

Офицерский
Честь и имя
роман

*Михаил
Средоров*

На полях
Гражданской...

Офицерский роман. Честь имею

Михаил Федоров

На полях Гражданской...

«ВЕЧЕ»

2019

Федоров М. И.

На полях Гражданской... / М. И. Федоров — «ВЕЧЕ»,
2019 — (Офицерский роман. Честь имею)

ISBN 978-5-4484-7945-8

Роман российского писателя Михаила Ивановича Федорова основан на рассказах жены белогвардейского генерала о судьбе 25-го Смоленского пехотного полка, известного своими ратными подвигами на полях Гражданской войны. Полк прошел путь от Воронежа до Новороссийска, отличился в боях в Северной Таврии, а опоздав на эвакуацию войск Врангеля, переделся в форму буденновцев и вырвался из Крыма. Ольга Алмазова, которую связала с командиром полка Вячеславом Новиковым любовь, неотрывно следовала за мужем, поэтому ее воспоминания бесценны. После войны эпопея смоленцев продолжается, их командир и Ольга попадают в руки чекистов и борются за жизнь...

ISBN 978-5-4484-7945-8

© Федоров М. И., 2019

© ВЕЧЕ, 2019

Содержание

Часть 1	5
Глава 1	5
Глава 2	23
Глава 3	40
Глава 4	56
Конец ознакомительного фрагмента.	59

Михаил Федоров

На полях Гражданской... Записки жены белогвардейского генерала

Часть 1

Глава 1

1

Ты думаешь, откуда пошел род Алмазовых? Говорят, что один из князей Трубецких подался в священники и поехал к монголам проповедовать православную веру. Обратил в христианство несколько племен и вернулся. А за успехи на этом поприще патриарх наградил его золотым крестом с серебряным обрамлением. Царь приказал вставить в крест алмазный камень и назвал проповедника «Алмазов». С тех пор за Трубецким и укрепилось Алмазов и с его преемниками дошло до наших дней.

Алмазовых везде принимали за своих. Башкиры и татары называли «алмас», греки «адамас», поляки «адамант», таджики «альмас», турки «эльмас», украинцы «алмазний». И никто не думал, что Алмазовы жили в русской глубинке в селе Медвежье Землянского уезда Воронежской губернии.

У одних жизнь начинается, протекает и завершается в пределах родного уголка, в кругу близких, и об ином существовании они судят по рассказам знакомых и книгам. Мне же было суждено еще в юности покинуть родительский дом, исколесить сотни дорог, по которым несло в упряжке судьбы, грозя в любую минуту выбросить. Боязно гимназисткой пуститься в дальний путь, трудно женой полковника нести бремя военных походов и пережить утрату близких. Удары судьбы не сломили, не согнули когда-то юную девчонку потому, что она была из породы тех крепких провинциальных семей, которыми всегда полна наша глубинка, из породы Алмазовых.

Мой дед дружил со Львом Толстым и во многом подражал ему. Считал, что жить следует трудом своих рук. К нему – по профессии врачу, кстати, виртуозно игравшему на скрипке, – за помощью в любое время суток шли крестьяне со всей округи. Во фруктовом саду выращивал отменные яблоки, пахал и косил, молот зерно на водяной мельнице, что скрипела на плотине реки Трещевки, которая делила Медвежье пополам. В этом ему помогали семья и крестьяне. Он, как и Лев Николаевич, не любил священников, избегал церковных обрядов. А его прах лег в землю в нашем саду без памятного надгробия на десять лет раньше, чем прах учителя в Ясной Поляне.

Мой отец тоже тяготел к нравам толстовцев. В молодости не ел ни мяса, ни рыбы, зачитывался романами почтенного старика из Тульской губернии. Своего отца похоронил, выполняя его завещание, без отпевания. Лишь после настоятельных просьб матери окрестил меня в приходской церкви в селе Богоявленовке. Не любил он служителей культа. Священник села Богоявленовки часто сокрушался, что как ни пожалует к Алмазовым, хозяина дома не оказывалось, а встречала гостя только его жена.

Отец пошел дальше деда. Летом 1906 года раздал земли своего имения крестьянам – пятьсот десятин, это более пятисот гектаров, а себе оставил хутор с наделом в десять десятин, сад и мельницу.

– Василий Алексеевич! – хлынули к нему крестьяне из ближних деревень. – Вы бы помогли и нам забрать земли у помещиков.

Не хотел вмешиваться в чужие дела и долго не соглашался. Но готовность помогать людям взяла верх.

Он вместе с ходоками направился в соседнее имение графини. Мне только исполнилось три годика, и я мало что понимала. Но позже узнала, что происходило. Как обычно в летнюю пору, пригревало солнце, в полях наливалось зерно, пахло свежескошенным сеном. Настроение отца и крестьян было приподнятое. Они чувствовали, что делают доброе дело. Перейдя речку Трещевку, в которой купались мальчишки, запылили по проселочной дороге. По пути к ним присоединялись жители окрестных сел.

Они поднялись на горку, в дубраве завиднелся барский дом. Во дворе на крыльце стояла графиня. Грузная женщина в длинном платье с большим разрезом о чем-то разговаривала с приказчиком.

– Отдавай землю! – закричали крестьяне.

При виде их приказчик кинулся за дом. Они только успели заметить, как замелькали его сапоги. Несколько мужиков погналось следом.

– Василий Алексеевич! Что-то я не пойму, почему это вы с моими крестьянами? – спросила графиня.

– Дело в том, что вы, барыня, обделили наших братьев, – заговорил отец. – Надобно бы излишки отдать...

Барыня сделалась бледной, как парафиновая свечка.

В это время мужики притащили приказчика и начали бить.

– Это тебе за поденщиц!

– Будешь издеваться над ними! – орали мужики.

– Пугачевщина! – Графиню затрясло.

– Благое дела ждут от вас, – сказал Василий Алексеевич и крикнул мужикам:

– Оставьте приказчика в покое!

Графине протянули бумаги:

– На, подпиши!

Она некоторое время медлила, с опаской оглядывая толпу, и подписала.

– Ну... – по имени назвал графиню кто-то из крестьян. – Теперь мы все равны... До свиданьице.

Какие наивные люди! О каком равенстве могла идти речь! Да и возможно ли оно, равенство? Всегда кто-то кого-то угнетает. Кто живет лучше, а кто хуже. Несбыточная мечта! Сколько она сломала людских судеб, сколько поколений извела.

Слух о поступке Алмазова разлетелся по уезду, и утром около нашего дома уже митинговала толпа:

– Василий Алексеевич! Идемте ... Идемте к... – назывались иные помещики.

Мама, качая на руках моего младшего брата Алешу, уговаривала:

– Василий! Ты отдал свое. Зачем?

– Маша, успокойся. Я не могу...

– Подумай обо мне, о сыновьях, о дочери.

Моему старшему брату Сереже тогда исполнилось десять, а младшему Алеше только год.

– Мы ничего дурного делать не будем. Графиня добровольно подписала бумаги. И другие подпишут. А если не подпишут, то мы развернемся и уйдем, – успокаивал он жену.

Я приняла уход отца, как обычную прогулку к соседям. «Он катал меня по полям, – подумала я, – пусть теперь без меня прогуляется».

В тот день крестьяне получили согласие еще трех помещиков и, когда возвращались, на взгорке у села Приволье увидели казаков. Казаки стояли в ряд и ждали бунтовщиков. С той поры я отношусь к казакам с осторожностью.

Перед строем гарцевал урядник и кричал:

– Есть ли среди вас помещик Алмазов?

Крестьяне остановились.

– Я вас спрашиваю? Алмазов есть аль нет? – повторял урядник.

Крестьяне молчали. Василий Алексеевич одевался просто: в холщовую рубаху, льняные штаны и отличить его от крестьянина было трудно.

– У нас есть предписание его арестовать! И вы должны его выдать! – урядник спустился к крестьянам.

– Не выдадим! – закричали они.

– Если не выдадите, то возьмем силой! – урядник закружил перед толпой, поднимая коня на дыбы.

Крестьяне стали подбирать камни, ломать ветки деревьев, выдергивать колья из плетней разбросанных вокруг огородов. Кто-то по логу пробрался в село и принялся стаскивать на дорогу бороны, сохи, бревна. Василий Алексеевич не знал, что делать: он не хотел кровавой развязки.

Летом темнеет поздно. Солнце медленно клонилось к горизонту. Время шло, а казаки их не пропускали.

Урядник рвал голос, призывая выдать помещика.

С речной долины потянуло свежестью, густым светом от заката облились дубравы. Отец решил сдаться и шагнул вперед, но тут крестьяне с ветками, кольями и камнями кинулись на казаков.

Казаки, уворачиваясь от града камней, отступили и в деревне напоролись на барикаду из борон, сох и бревен.

Потом слышала, сколько казаков кинулось бежать, испугавшись крестьян, сколько казачьих фуражек подобрали крестьяне.

Отец вернулся домой в отменном расположении духа. Взял меня за плечики и подбросил: белая кофточка, белая юбочка, белые носочки, белые банты – вся моя одежда высоко взлетела вверх.

– Оленька! Сегодня важное дело пошло по уезду! Завтра пойдет по губернии...

– Что теперь будет?! – заметалась по дому мама.

– Ты бы видела, как они драпанули!

– Вася! Ты же сам говорил, что не надо насилия...

– Да, Машенька, да! Но ты бы видела...

Утром прибежал сторож дед Петруха:

– Медвежье окружили казаки!

Отец думал недолго. Собрал котомку, позвал нас.

– Алешенька! Расти здоровеньким! – погладил по голове младшего. – Оленька, я скоро вернусь, и мы покатаемся с тобой на лошадах, – чмокнул меня в щеку. – Сережа! Ты уже взрослый, остаешься за старшего! – обратился к сыну. – Машенька, прости, если что не так. Но я хотел, как лучше, – прошептал, прижимая к себе жену.

Поход с крестьянами стоил отцу нескольких лет тюрьмы. Два года от звонка до звонка провел в тюремном замке в Воронеже. Хотя сам Толстой земли своего имения не раздавал и не помогал отбирать их у помещиков, но некоторые его последователи шли дальше учителя.

После ареста отца мы жили скромно. Мама шутила: «Если есть люди, которые кушают сливки, то есть и те, которые потребляют снятое молоко». Выматывалась. Но нас поддерживали родственники Русановы, которые жили в шести верстах в селе Ерофеевке. Сестра мамы Ольга Адольфовна Русанова была женой Сергея Гавриловича Русанова, земского врача, и они помогали нам. Я часто бывала в Ерофеевке, где меня потчевали оладьями со сметаной, блинами с вареньем. Бегала по аллее из лип, пряталась в сосновом бору у пруда, чувствовала душевную теплоту родных. Быстро мужал брат Сергей, который с особой серьезностью брался за любую работу: обрезал яблони, мульчировал почву, собирал урожай, продавал его на рынке, колол дрова, молот зерно на мельнице. Добром за отца нам платили и крестьяне.

2

Село Медвежье разбросало свои уголья по буграм вдоль речки Трещевки. Рядом с речкой в яблоневом саду в тени тополей прятался наш уютный дом с высокими окнами и резными ставнями, в котором родились я и мои братья. Этот дом давным-давно выиграл в карты наш обедневший предок и по бревнышку перевез в село.

Я любила качаться на веранде в плетеном кресле из лозы и жмурить глаза на солнце. Лазить по фруктовым деревьям и срывать яблоки, приятные на вкус. Ездить с братьями на коляске, когда они пускали лошадей вскачь и те с ветерком взлетали на горку. Окунаться в зеркальную гладь прудов, покрывших правый берег Дона.

Прелести деревенской жизни: ширь степного пространства, сочный, напитанный запахами цветов воздух, трели жаворонка, повисшего в океане небосклона, заполняли мои дни, и я не думала, что когда-нибудь покину чудный мир сельской чудо-природы.

В 1910 году меня отправили учиться в город. После бескрайних степей с редкими домиками, лесов с непроницаемыми чащами, речных пойм с камышами и извилистых дорог с подъемами и спусками я оказалась в Воронеже.

Меня напугали трех- и четырехэтажные дома, окруженные одинокими деревьями. Я долго не могла понять, как могут люди ходить по головам друг друга. Удивили мощенные булыжником улицы, асфальтированные тротуары, лесенки с маленькими ступеньками, сбегавшие, как ручьи, к реке, паркетные полы и огромные зеркала в гимназии.

В первое время мне хотелось покинуть город и вернуться домой. Но я боялась огорчить родителей и крепилась. Вскоре занятия в Мариинской женской гимназии захватили меня, и я помаленьку начала забывать Медвежье.

После уроков спешила с подружками на Большую Дворянскую – самую богатую улицу Воронежа. Заглядывалась на колонны особняков заводчиков и купцов, фасады кинотеатров со скульптурами, лепнину на стенах банков, балконы, нависшие над тротуарами, как козырьки фуражек. Заходя в галантерейные магазинчики, вдыхала ароматы духов и сравнивала их со степными запахами, пытаясь угадать, с каким полевым цветком совпадает тот или иной аромат.

К этой улице примыкал городской сад с огромной узорчатой оградой. Там в летнем театре или на площадке около фонтана мы слушали духовой оркестр, мечтая когда-нибудь закружиться под его музыку. А, уходя дальше за железнодорожный вокзал, прятались под кронами дубов на скамьях Бринкманского сада, где было особенно уютно, и я все больше узнавала о городе.

– В том доме, – показывала на двухэтажный особняк одна из подружек, – живет хозяйка привокзального поселка фон-Бринкман. Бывшая Кричевская. Представляете, оставила престарелого мужа в Калуге и приехала с тремя детьми.

– Престарелого? – переспрашивала я.

– Но теперь вышла за молодого учителя!

У нас разгорался спор о том, прилично ли выходить замуж за того, кто старше возрастом, хорошо ли бросать престарелого супруга ради молодого. Я путалась в мыслях и не знала, что сказать. Если бы у меня на памяти были какие-нибудь примеры о замужестве людей с большой разницей в годах, я бы могла иметь свое мнение. Но этого не позволял скудный жизненный опыт гимназистки.

В базарные дни родители везли в Воронеж ящики с яблоками и мешки с мукой. Стоило только сказать, что товар «алмазовский», как у подвод вырастала очередь.

– Алмаз, алмас, – слышалось.

Людей привлекал медовый вкус яблок и белизна муки. Родители проводывали меня, и мы часами бродили по городу и сидели в парке. Они всегда привозили что-нибудь вкусное, и я угощала подруг. А на каникулы спешила в Медвежье, где вечера напролет рассказывала.

– Знаете, на Большой Дворянской у окружного суда огромный сквер. В сквере на постаменте стоит памятник Петру Первому. Там написано: «От благодарных дворян и горожан». Как оценили царя! Не то, что, – невольно упомянула императора Николая Второго. – Петр правой рукой держит якорь. Другую тянет на запад. Положение правой говорит о том, что он опирался на флот. А левой, что прорубил окно в Европу...

– А хорошо это или нет? – спрашивал отец.

– Мне трудно судить об этом, – тушевалась я.

– По папе лучше бы не было ни Петра, ни Николая, а была бы простая жизнь, – сказал брат Сережа, который уже учился в военном училище.

– Дети мои, вы же знаете, что, когда что-то делается силой, это всегда плохо. А у Петра одно только и было... – сказал отец.

– Сереже повезло, – засмеялась я, глядя на брата. – Будь у него папа другой, пустили бы в училище.

– Я думаю, он сам со временем разберется, что ему надо, и поймет, что такое служба, – добавил отец.

– Пап! Но ведь говорят, что даже Толстой восхищался армейской службой. Однажды шел по Хамовникам и увидел двух рослых гвардейцев. Он остановился и воскликнул: «Какие молодцы!» А ему: «Лев Николаевич, ведь вы вчера отзывались об армии плохо, а теперь». И Толстой им: «А я вам что, канарейка, чтобы повторять одно и то же?»

Все засмеялись.

– Гостиница «Бристоль», – продолжала я. – С огромными окнами. Две коляски разъехались бы! Под ними бульвар...

Мои глаза светились, как электрические лампочки в фонарях Большой Дворянской.

– Тебе бы, Оленька, поездить бы по странам, – заметил отец.

– Да, папочка! А Смоленский собор. Это уже на Большой Московской, – говорила я, мечтая о том времени, когда отправилась бы в путешествие в Москву, Петербург, а если удастся, и за границу.

Когда у нас в гостях оказывались Русановы, меня поддерживала Русанова Ольга Адольфовна:

– Девочку тянет к прекрасному... Василий Алексеевич, а не послать бы вам дочь учиться в столицу?

– Если в столицу, то поможем и со столицей, но пусть сначала закончит гимназию.

Я продолжала учиться в Воронеже и все больше привыкала к его укладу, порой даже чувствовала себя неловко, когда упоминали о моем сельском прошлом. Мне почему-то становилось не по себе, потому что большинство моих подружек жили в самых богатых домах города и оказывались в деревне только за тем, чтобы навестить свои имения.

3

Среди приезжавших в Медвежье появлялся сосед из села Трещевки – это в трех верстах от нас, Вячеслав Митрофанович Новиков – лихой наездник и любитель псовой охоты.

Когда мой отец в 1906 году ходил с крестьянами отбирать земли у помещиков, он не дошел до села Трещевки. И ему не пришлось добиваться от Новикова раздачи его угодий. Не был и у Русановых в селе Ерофеевке, где жило «всегда две души мужска и три женскага полу». Так было записано в документах. Русановым отдавать крестьянам было нечего, они сами жили скромно и довольствовались результатом своего труда.

Стройный юноша Новиков с высоким лбом, белокурыми вьющимися волосами, сильный в движениях, ловкий в езде на лошади, сразу привлек мое внимание. В нем хранилось то, что редко встречалось в молодых людях и как бы осталось в XIX веке. Обхождение, доброта, щедрость.

Я удивлялась, что мой отец, который не позволял себе поступиться взглядами: не ел ни мяса, ни рыбы, не мог прикоснуться к курице, чтобы отрубить ей голову, загорелся псовой охотой. И мог часами скакать с Вячеславом и его шумной компанией за борзыми. Вряд ли его прельщал состав компании Новикова, сын воронежского городского главы Чмыхов, друзья Вячеслава Мыльцев-Минашкин, Веселаго Всеволод. Видимо, им владело иное – желание слышать звук рожков, лай собак, ощущать погоню, этот испепеляющий мужской азарт, в котором он отказать себе не мог.

Вспоминается, как однажды к нам приехали Русановы (тоже вегетарианцы), и отец, как Лев Толстой, в шутку или всерьез, попросил поставить тарелки с овсяной кашей, а для гостей привязать к ножке стола за бечевку курицу, пусть, мол, отрубят ей голову и приготовят!

– Вы думаете, я с голоду возьмусь за скальпель? – прорвался смехом Русанов.

– Вот именно! Лев Николаевич барские замашки отрицал, а от верховых прогулок отказываться не мог...

Курица всполошенно рвалась, пытаясь взлететь, а мы покатывались со смеху и чуть не падали со стульев.

Вот Новиков появился и у нас. Что творилось со мной, у меня горели щеки, дрожали руки, я вбегала в комнату, где он разговаривал с отцом, и выбегала, проходила под окнами, лезла на дерево и еле сдерживалась, чтобы не кинуть в окно яблоком. Думаешь, он обратил внимание на девушку в голубом платье с белым фартуком? Если бы...

Куда бы я ни ехала, то всматривалась в каждую коляску, не сидит ли в ней Вячеслав Митрофанович, в каждого наездника, не Вячеслав ли Митрофанович? Как-то чуть не спутала Новикова с кавалерийским офицером – но, когда тот обернулся, я шарахнулась от лица с бакенбардами.

Нашла у папы фотокарточки, где среди других был и Новиков, и спрятала. По крупице собирала все о его жизни и все больше думала о нем. Слышала, что на ипподроме он выиграл скачки, что произведен в прапорщики, что пользуется успехом у дам.

Словно ушатом холодной воды окатило меня, когда отец за обедом сказал:

– Могу сообщить вам преинтересную новость. Заезжал к Новикову. У него свадьба...

«К-какая?» – чуть не вырвалось из меня.

– На стол подали торт с тележное колесо! И разноцветными коржами выложено «Любовь и Слава»... Подняли чарки... – продолжал отец, еще не догадываясь, как словами ранит дочь.

«Жену зовут Любовь», – дошло до меня.

Сердце словно уменьшилось вдвое. Дыхание прервалось. Я выскочила из-за стола и скрылась в детской. Упала на кровать, но сразу встала. Прижавшись к двери, вслушивалась, но не могла разобрать слова.

Неужели?! – клокотало во мне.

Пыталась забыть Новикова. Заставляла себя не вспоминать его минуту, другую, десять минут, час, но получалось наоборот, только чаще мои мысли обращались к Вячеславу Митрофановичу. За мной ухаживали гимназисты, но какими смешными выглядели они в сравнении с Новиковым.

Выясняла о нем все до мелочей. Узнавала, что Вячеслав Митрофанович тоже из рода Русановых, но не рода Сергея Гавриловича, а Русанова, героя войны с Наполеоном. Полк под командованием генерала Русанова отличился в сражении при Прейсиш-Эйлау.

Мое поведение покажется странным.

Но такое было!

После известия о битве я избегала всех знакомых, перерыла полки всех книжных магазинов и только в библиотеке кадетского корпуса нашла заметку о сражении на прусской земле. Перечертила в ученическую тетрадку карту и с линейкой в руке носилась по комнате и воображала, что это Новиков ведет на французов в атаку батальоны.

В такие минуты я готова была вместо одежды гимназистки натянуть на себя военное обмундирование!

Мне рассказали, что генерал Русанов женился на собственной крестьянке.

– Зачем? – сначала покорило меня.

Но, зная отношение к крестьянам отца и деда, я ничего плохого в этом не увидела.

У крестьянки родился сын Митрофан. Ему генерал Русанов отписал имение в Трещевке.

Выглядело благородно.

Митрофан выкрал у орловского князя Кекаutowa дочь и женился на ней.

Вот это было по мне!

Я загорелась желанием о своем похищении. И представляла, как Новиков стремительно появляется на хуторе в Медвежьем, как увозит меня. Или, не найдя в Медвежьем, незаметно проникает в гимназию – вот чем переполняло меня.

– Какой отец у Вячеслава Митрофановича! – восхищалась я. – А ведь яблоко от яблони падает недалеко!

У Митрофана с дочерью князя Кекаutowa родился сын Вячеслав.

Уже спустя много лет я услышала легенду о том, как одна гимназистка совершила отчаянный поступок. Переходя улицу, специально споткнулась и упала под копыта коня, на котором ехал ее любимый. Мастерство седока спасло гимназистку. Он поднял девицу на руки...

Если имели в виду меня и Новикова, то они ошибались. Но подмечено верно: я была готова броситься не только под коня, лишь бы обратить на себя внимание.

4

Нежданно-негаданно вспыхнула Первая мировая война. Я знала, что мой отец был против муштры и солдатчины, и думала, что это отразится на моем брате, но отец не стал вмешиваться в его жизнь и предоставил возможность выбирать свой путь.

Тогда молодежь охватила небывалый подъем, она стремилась на фронт. Мой брат Сергей записался в 25-й Смоленский полк, который формировался в Воронеже и вскоре вместе с однополчанами оказался на австро-венгерском фронте.

Как взволновало меня, когда он прислал письмо, в котором сообщал, что служит вместе с Новиковым.

Мы получали вести от брата и радовались успехам русских войск в Карпатах, переживали, услышав об их поражении в Пруссии. Я до дыр зачитывала письма брата, ища в них хоть какое-то упоминание о Вячеславе Митрофановиче. Стала серьезнее относиться к урокам, осо-

бенно к иностранным языкам. Дополнительно занялась французским, почему-то решив, что когда-нибудь попаду в Париж, до которого непременно дойдут русские войска.

С подружками писали письма на фронт солдатам, полные веры в победу, и представляли, как они после изнурительных боев читают наши юные послания. И сотни раз начинала письмо, адресованное Новикову, доходила до половины и рвала.

Я уже не связывала свое будущее с Медвежьим, где продолжали жить отец и мать. Теперь оно казалось мне крошечным в сравнении с тем миром, который увлекал меня.

Отец часто говорил:

– Прислушались бы к Толстому, занялись нравственным совершенствованием, и не было бы ни разрушений, ни раненых, ни убитых...

Я соглашалась и вместе с тем не соглашалась с отцом. Все мои познания говорили о том, что история человечества полна войн, и что-то более сильное, чем нравственное совершенствование, руководило людьми. Я объясняла это тем, что всегда были люди, которые желали подчинить себе других, воспользоваться чужими благами, но и эти суждения не могли погасить мыслей Льва Толстого.

Я повзрослела, вытянулась и когда смотрелась в зеркало, то все больше задавалась вопросом: почему так слеп Новиков? Чем больше на меня обращали внимание молодые люди, тем с большим упорством я отвергала их ухаживания. Мои подружки даже прозвали меня недотрогой, предрекая будущее монашки. Мало кто знал, с чьим именем на устах я ложилась спать и с чьим просыпалась.

Как-то с подружками заговорили о поселке у Бринкманского сада, в котором переулки назывались по именам детей: Ниновский, Владимирский, Георгиевский. Как мне пояснили, детей фон-Бринкман: Владимирский – так звали сына Владимира, Ниновский – дочь Нину.

– Вот что значит материнская любовь! – воскликнула я. – А чем же прославились Нина и Владимир?

Считала, что улицы называются в честь особых заслуг: полководцев, выигравших сражения, ученых, сделавших открытия, художников, написавших великие полотна.

– Ничем, просто они дети фон-Бринкман.

– Но ведь это же не императорская фамилия, – пыталась я найти другое объяснение.

– Хочешь все знать? Тогда слушай...

И я узнала, что годом раньше застрелился сын фон-Бринкман Владимир. Он учился в мужской гимназии. Первое, что пришло мне в голову, что несчастье произошло от неудачи в учебе, отвергнутой любви. А что еще могло случиться с выходцем из богатой семьи, где всего было в достатке? Но мне ничего не ответили, а лишь заметили: недавно покончила с собой и ее дочь гимназистка Нина.

Мать называла переулки в честь детей, словно предчувствуя их ранний уход из жизни.

– Пойдите, а Георгиевский? – спросила я, готовая услышать продолжение семейной истории.

– Георгий учится в Петрограде.

Мне стало не по себе. Мать растила детей. А к чему это приходило...

«Неужели и меня ждет такая судьба?» – невольно спросила себя, и мне сделалось жутко.

Однажды зимой после занятий я вышла из гимназии и заметила на улице оживление. По таявшему снегу толпами куда-то стремились люди и что-то возбужденно говорили. Меня подстрекало девичье любопытство, и я вместе с людьми очутилась на базарной площади. Там было столпотворение: стояли рабочие с красными флагами, оркестр играл «Марсельезу», с трибуны, обтянутой алой материей, говорили речи.

Слышалось:

– Свобода!

– Равенство!

– Братство!

Я прислушивалась: слова мне были знакомы. И мою душу переполняло волнение. Но как-то легковесно звучали они в устах сменявших один другого ораторов.

Когда я выбралась из толпы, то увидела другое зрелище, как городовые срывали с себя погоны. С чего бы это?

Я невольно подумала: «Неужели вот так может сорвать с себя погоны брат Сергей? Вячеслав Новиков? Нет, – сразу успокоила себя. – Они защищают Родину. А эти...»

Долго ходила по городу, ища ответы на возникшие вопросы. Встречала подружек. Одни радовались и хлопали в ладоши, другие замирали и зябко кутались в пальто.

Я поспешила в гимназию. Дежурный учитель, старичок с усами, мне объяснил, что произошла революция, что царь отрекся от власти.

Не знала, радоваться или нет. Ведь ушел тот, кто сажал моего отца в тюрьму, кто преследовал Льва Толстого.

И волновало: что теперь будет?

Я тогда думала, что на смену одному деспоту другой деспот прийти не может. Его сменит порядочный, такой, как мой отец, человек. Только так я могла объяснить восторг горожан.

К вечеру слышались выстрелы. Я выглянула из окна комнаты, в полутьме темного ствола клена сорвалась чернокрылая туча, потом проехали два грузовика, в которых сидели солдаты с выставленными пулеметами. А на снегу злое чернели перья вытаявших после зимы замерзших галок.

Мне стало плохо, охватил озноб, и я спряталась с головой под одеяло. Меня трясло, недоброе предчувствие не покидало меня.

Дни потекли однообразно. Директора гимназии заменили. Подняли вопрос об отмене изучения Закона Божьего, хотя он преподавался по-прежнему. Но занятия были уже не такие, как раньше.

Нас собирали в общий гимназический зал. Приходил мужчина со скрипкой, и мы под нее разучивали революционные песни. Меня распирало, и я пела, не жалея голоса, а иногда в горле застревал ком, и я лишь открывала рот.

С полной «кашей» в голове я вернулась в Медвежье.

Мама плакала. Она очень переживала за Сережу, который оставался на фронте. С горечью рассказывала, как в Землянске поймали пристава и плевали ему в лицо.

– Не к добру это, не к добру!

Я удивилась:

– Мама, а как они с нами? Папу на два года...

– Все равно...

Я заметила, как осунулся папа. Лицо его сделалось озабоченным. Он выписывал все газеты и в свободное от работы время читал, а потом ходил по комнате и о чем-то разговаривал сам с собою.

5

Лето перелистывало странички календаря. В садах наливались яблоки. В полях колосилась рожь. Все предвещало богатый урожай и безбедную зимовку. Меня не очень задевали думы отца и матери. Я продолжала кататься верхом на лошади, навещала в гости к Русановым, а по пути, двигаясь рысцой мимо села Трещевки, где виднелся барский дом, думала о Новикове.

Вячеслав Митрофанович воевал. Вместо него управлялся хозяйством приказчик. Село тянулось по правому берегу реки Трещевки. У плотин прудов, которые шли чередой, на склон

лезли редкие домики. Я представляла, как когда-то здесь скакал Новиков. Видимо, он, как и я, любовался разноцветной нивой, по которой ветер чертил и чертил свой бесконечный узор.

Я слышала, что жена Новикова после его отъезда на фронт съехала в свое имение под Павловском – уездный город южнее Воронежа – и больше в Трещевке не появлялась. По словам Русановых, «между Любой и Славой пробежала кошка».

Ох уж эти Русановы!

Их село Ерофеевка обрело вид милой усадьбы: липы вытянулись по кромке поля, словно солдаты в огромных зеленых балахонах выстроились в шеренгу. От строя лип к домику-четверне – из четырех комнат – сбегала аллея. Она перемахивала плотину замершего пруда. А в охвате липовой посадки разбросали кроны деревья воргуля – сорта яблони. И, словно эскадрон с пиками, подпирал берег пруда прямоугольник из сосен. Все это покоилось как бы в низине, если смотреть с бугра, на котором в тени сирени у церкви под огромными плитами лежали предки Русановых.

Русановы рассказали мне, что Вячеслав Митрофанович отличился в боях, что уже командует Смоленским полком, что полк успешно отбивает атаки немцев и даже переходит в наступление.

А у нас северный ветер часто пригонял низкие тучи. Непрерывными валами они катили с горизонта. Проносились над городом и, потемнев, исчезали. Я часто сидела в классе гимназии одна и думала: «Что же происходит? Почему не рад папа, горюет мама? Почему до сих пор не окончилась война? Не вернулись мой брат и Новиков?» Уроки теперь проводились редко. Нас все чаще отпускали с занятий. Несмотря на непогоду, срывали на всевозможные митинги. Строем по четыре человека в ряд гимназисты уходили на площадь, где слушали долгие речи. Ораторы отчаянно жестикулировали. Слышны были слова «освобождение», «равенство», «братство». Но стоило только кому-нибудь спросить, что это значит, оратор покидал трибуну и сменялся другим.

Одна бабуля, от дождя прячась с нами под навес, заметила:

– Не царь им даст освобождение, а бес!

Я ужаснулась словам пожилой женщины. У меня не было склонности сравнивать происходящее с бесовством. Но вскоре дошли слухи о поражении на фронтах. Наша армия откатывалась.

Город заполонили солдаты, едущие в тыл. Они были пьяные, вели себя безобразно, напали на горожан. Стало небезопасно ходить по улицам, и люди все больше прятались по домам.

Однажды ко мне в Бринкманском саду привязался мальчишка. Стал распускать руки. Схватил и потянул к себе. Я вырывалась, а за всем этим со стороны наблюдал батюшка в рясе. Я думала, что он заступится, а он с интересом ждал, что из всего этого получится. Когда я не выдержала и стала мальчишку лупить, он отстал и скрылся в кусты. И только тут батюшка вышел на тропу и с укоризной сказал:

– Негоже барышне драться!

– Это до революции было негоже, – ответила я запальчиво. – А после революции гоже!

Теперь предпочитала меньше находиться в городе и чаще уезжать домой.

Помню, мы пили в Медвежьем чай с баранками, а рядом в печи, облепленной разноцветными изразцами, потрескивали дрова. Ночью выпал снег и появились следы воробьев, мышей, собак. Отпечатки их лап замысловатыми дорожками плутали между яблонь.

– В Воронеже такого не увидишь, – сказала я. – Сразу затопчут...

Дверь открылась, и, обивая сапоги от сгустков белого, вошел папа. Он ездил в Землянк и только вернулся.

Он был взволнован:

– Большевики взяли власть...

Я слышала об октябристах, кадетах, монархистах, эсерах, меньшевиках и вот на слух попало – большевики. Ну и что? Эка невидаль! Я подумала, что и большевиков скоро сменит кто-то другой. И была уверена, что, в конце концов, все наладится. А как иначе? Жизнь от года к году обязана становится лучше, – так считала я.

Некоторое время мы еще жили неплохо, сытно питались, нас никто не трогал. Но я все реже уезжала в Воронеж, куда надвигался голод и где ощущался даже недостаток керосина. От его нехватки приходилось заниматься с лампадой. Лампада трещала, мигала и брызгала на тетрадь, навеивая нерадостные мысли. А уроки стали настолько редкими, что целыми днями приходилось слоняться по гимназии и бездельничать.

6

В дурном обличии появилось это слово большевизм. Цены на продукты росли. В городе не было дров, за хлебом стояли целыми сутками. Большевики отбирали дома, лошадей, рубили лес. У многих моих подружек арестовали отцов, а их семьи выгнали на улицу.

– Какой папа дальновидный! – вспомнила, как отец раздал имение.

Как ни странно, он был близок к большевикам: хлеб зарабатывал своим трудом. Но все равно к новым властям относился настороженно, его многое не привлекало в них.

Большую Дворянскую переименовали в Проспект Революции, Большую Московскую – в Плехановскую. Я не могла запомнить новые названия улиц и в свои посещения Воронежа их постоянно путала. У меня не укладывалось в голове, как можно бульвар, где громоздились дома богатых воронежцев, именовать Проспектом Революции, ведь революция с дворянами – обитателями улицы ничего общего не имела; Большую Московскую – Плехановской, где о Плеханове никто ничего не знал.

Вскоре Медвежье посетила радость: на крыльце дома появился Сережа. Он был в офицерской форме с вещевым мешком.

– Принимайте штабс-капитана Смоленского полка, – выдохнул с мороза.

Брат Алеша схватил вещмешок и стал в нем рыться.

Закричал:

– Наган! Наган!

– Дай сюда! – Я выхватила мешок и пистолет.

Извлекла из мешковины парадный мундир и стала примерять на себя:

– Чем не кадет Алмазова?

Мама не могла наглядеться на сына, в волосах которого пробилась первая седина:

– Цел и невредим.

Отец застыл в дверях, на его глазах навернулись слезы:

– Вернулся...

Сережа рассказал, как пошли братания, как стали выбирать командиров, как комиссары разваливали армию, как Смоленский полк почти в одиночку прикрывал отход войск, как он чудом добрался до дома: всюду ловили офицеров и в лучшем случае срывали с них погоны.

– А Вячеслав Митрофанович, – спросила я, – поехал в Павловск?

– Ты имеешь в виду его бывшую жену?

– Бывшую?

– Он к ней уже никогда не вернется. В Трещевке он.

Не прошло и дня, как мы с братом поскакали в Трещевку. Копыта стучали о мерзлый грунт, ветер хлестал в лицо. Все вокруг сковало мартовской наледью.

Когда въехали в ворота усадьбы, у меня перехватило дыхание: «Что я скажу? Зачем прискакала? И кто я? Сумасшедшая девчонка!»

Приказчик вышел на крыльцо и, кутаясь в полушубок, произнес:

– Вячеслав Митрофанович у Русановых.

«Значит, и нас проведает», – застучало у меня в груди.

Доверчивое сердце гимназистки! Вернувшись домой, я вздрагивала от каждого звука на улице. Ждала, когда появится Вячеслав Митрофанович – день, два, неделю, но тщетно.

Вместо того чтобы поехать к Русановым Новиков направился к друзьям. Где-то в городе скрывался его брат Леонид – полковник царской армии. Не находили покоя Веселаго, Мыльцев-Минашкин. Им надо было что-то предпринимать. Набирала обороты волна арестов: большевики хватали офицеров подряд и расправлялись с ними. Об этом я узнавала не только от подружек, отцы которых рисковали жизнью. Слышала, что у хозяйки Бринкманского сада забрали дома в привокзальном поселке, а ей с молодым мужем оставили комнатенку; что закрывали коммерческие банки; что конфисковывали фабрики; что любой мог угодить под горячую руку большевикам и оказаться в чрезвычайке.

– Где же Новиков? – спрашивала.

Теперь стало понятно, почему приказчик сказал, что он у Русановых.

– Снял хутор в Подклетном, – однажды заметил брат Сергей.

– На левом берегу Дона?

– Да, на пути в Воронеж.

– Но ведь у него имение в Трещевке? – недоумевала я.

– Открыл контору для скупки лошадей. Там ему удобней. Город близко...

– А почему лошадей?

– А ты что, забыла про его увлечение?

– Скачки? Псовая охота?

– Если бы... Он помогает...

– Кому? – ничего не могла понять я.

– А ты, что слепая? – брат понизил голос. – Разве будет полковник Новиков сидеть, сложа руки, когда кругом попирают его однополчан.

– Но ведь...

– Слушай, – он заговорил еще тише. – На Дону против большевиков собирается армия... Он туда лошадей перегоняет...

– Неужели?! – я зажала ладонью рот.

Теперь в разговоре даже с родителями боялась упоминать имя Новикова. А тем более заниматься его поисками. Положилась на свою судьбу и надеялась, что она рано или поздно сведет меня с Новиковым.

7

Судьба услышала стенания гимназистки.

Но сначала расскажу, что произошло тем временем. Полуденное солнце совершало движение в сторону заката, когда повозка с тремя солдатами в поношенных шинелях и с винтовками через плечо свернула к хутору в Подклетном. Майское тепло обливало господский дом, окруженный голыми после зимней спячки тополями. Черные нивы тянулись до самого Дона.

Солдаты спрыгнули с повозки.

– Хозя-ин! Отворяй!

Толкнули ворота во двор. В углу в вольере растянулись борзые собаки. В конюшне ржали кони. Под окном у крыльца дома жевала сено гнедая лошадь с прозвединой на лбу.

На стук вышел военный в форме.

– В-Ваше превосходительство! – солдат хотел обратиться по-новому, но обратился по-старому. – Вы полковник Новиков?

- Как видите, – на плечах блестели погоны.
- Нас послали за вами. Велено привезть...
- А меня-то зачем? – спросил полковник.
- А мы почему знаем. Нам сказано привезть, значит привезть.
- Что ж, служба есть служба! Проходите, я соберусь...

Солдаты поднялись в дом, прошли в гостиную. По сторонам стояли огромные кресла, между которыми тянулся дубовый стол. Стены увесили картины в тяжелых рамах с видами скачек. Над комодом в кожаных ножнах висела шашка.

Солдаты заробели.

В гостиную вышел Новиков.

- Это за что? – солдат показал на шашку.
- За отвагу, – Новиков провел рукой по георгиевскому банту на груди.
- Надо бы забрать! Оружие...

Новиков медлил, а потом вытащил шашку из ножен, поцеловал и подал солдату.

– Вот это вещь! – расцвел солдат.

Новиков глянул в окно на лошадь:

- Позвольте с другом проститься?
- Как же не позволить?!

Солдаты даже не пошли следом. Остались разглядывать шашку. Видели: конь неоседланный, невзнузданный. На нем не ускачешь.

Новиков вышел во двор. Лошадь била копытом, косила глазом. Поняла хозяина с полуслова.

Новиков запрыгнул на коня:

– Дарьял, вперед!

Лошадь рванула с места.

Солдаты выскочили на двор, стрельбой всполошили грачей, разбудили борзых, которые заметались в вольере, в конюшне забегали кони. Взгромозились на повозку – взвилось кнутовище.

Дарьял вылетел на простор и, радуясь свежему ветру, поскакал к Дону. Вдали виднелась синяя кайма высокого берега реки. Всадник обхватил шею лошади и теперь с каждой секундой растворялся в степном море. Полоса поля впереди стремительно сокращалась. Приближался обрыв. Взмывленный Дарьял осел и съехал по глине к кромке берега. Ступил в воду и поплыл через Дон, еще не вернувшийся после разлива в привычное русло. За лошадью, как за лодкой, разошлись волны, вокруг крутило воронки, грозя затянуть в мутные воды. Новиков похлопывал по крупу и не оборачивался.

Когда Дарьял взобрался на бугор правого берега, солдаты только подъезжали к реке. Новиков слез с лошади, стянул сапоги и вылил воду. Выжал мокрые брюки и полы мундира. Развесил одежду на ветках боярышника, обсыпанного бисером мерзлых ягод, и помахал солдатам, повернувшим вдоль реки:

– Горе луковое! Хотели меня взять! Да вам коров нельзя доверить пасти! Жаль вот шашку...

Видел, как блестела на солнце рукоятка в ножнах у солдат.

Стало темнеть. Новиков натянул подсохшую форму, запрыгнул на Дарьяла и свернул в рощу. Скакал извилистыми лесными тропинками, обогнул село Губарево с его кирпичной церковью и высоченной колокольней, миновал низину у Приволья, где когда-то казаки пытались арестовать моего отца, и вскоре с опушки дубовой рощи увидел Медвежье.

Вдоль отливавшего синью русла речки Трещевки тянулись дворы, а дальше в верстах трех в верховьях реки находилось его имение. Но ехать туда после побега было опасно: туда могли наведаться солдаты.

Новиков спустился с бугра и мимо домов с высокими плетнями направился к яблоневому саду, в котором выступала крыша нашей усадьбы. Чем ближе подъезжал к дому, тем спокойнее становилось на душе.

Новиков спрыгнул с коня:

– Принимайте!

– Папа! У нас гости! – вне себя от радости я вылетела из комнаты.

«Дождалась!» – сердце готово было выпрыгнуть.

– Вот это да! – на крыльцо вышел отец. – Что это вы, на ночь глядя? При параде и без седла? – прищурился.

Новиков с виноватой улыбкой подошел к Василию Алексеевичу.

– Нелегкая привела к вам. Хотели меня отправить в «могилевскую» губернию.

– Куда, куда? – не понял отец. – А, пытались арестовать...

Неожиданный визит Новикова насторожил отца, но отказать в гостеприимстве соседу он не мог. Я была ошеломлена от счастья.

8

Долго светились окна в нашем доме. В камине с треском горели поленья. Новиков рассказывал, как приветливо «встретил» солдат. Василий Алексеевич от смеха утирал слезы, моя мама Мария Адольфовна охала и выставляла на стол тарелки с блинчиками и наполняла вазочки яблочным вареньем. Алеша слушал, открыв рот, а брат Сергей добавлял:

– Когда командиром Смоленского полка стал Вячеслав Митрофанович, все изменилось. Родной отец. Как Суворов! С горсткой солдат опрокинул батальон. Взял в плен батарею. За храбрость награжден именным оружием...

– Вы приукрашиваете, – смутился Новиков, ловя на себе мои взгляды.

Быть может, именно в те вечера глазки-смородины, окаймленные черными прядями волос, румяные щеки с ямочками (ведь все девчонки любили смотреться в зеркало), произвели впечатление на Новикова. И он наконец-то обратил на меня внимание.

Может, по недосмотру родителей, а скорее по их благословению, все дни я была рядом с Вячеславом Митрофановичем. Утром мы уходили в глубину яблоневого сада, на деревьях которого пробивались почки; бродили вокруг играющего, как слюда, пруда и, кто дальше, кидали в воду камешки; днем пили чай в каминной, слышавшей голоса многих достойных людей – и теперь голос героя войны Новикова; играли с братьями в «казаки-разбойники»; а вечером задерживались на перекидном через Трещевку мостку с гладкими перилами и общались с небесными светилами.

– Смотрите, месяц светится, как кольцо! И его одевают на пальцы звездочки...

– Повторите, – просил Новиков.

Я повторяла и:

– ... месяц кован умельцем-кузнецом...

– Как вы поэтичны...

Мой старший брат подарил Новикову седло с уздечкой, и мы ускакали в дубовые рощи.

Бывает же счастливое время! Никто не мешает, все катится своим чередом по желанной дорожке, тебя переполняют чувства! Ты счаст-ли-ва!

Вячеслав Митрофанович заметил тетрадку, лежавшую на столике:

– Давайте посмотрим, какая вы прилежная ученица. – Раскрыл. – О! Да вы учитесь не в женской гимназии, а в кадетском корпусе!

На листке виднелись сплошные линии, частые пунктиры, мелкие квадратики, длинные изогнутые стрелы.

– Пойдите, пойдите! – Новиков пригляделся к названиям населенных пунктов на карте. Покраснев до кончиков ушей, я вырвала тетрадку.

– Что это? – спросил.

Меня разобрало.

– А вы угадывайте! – Прижала тетрадку к груди.

– Прейсиш-Эйлау! – Теперь зардели щеки у Новикова.

– Генерал Русанов! – Я захлопала в ладоши.

– Вы так осведомлены обо всем? – взгляд Новикова сделался мягким, как никогда.

Он смотрел на меня не как на девушку, на говорушку, шалунью, с которой приятно проводить время, а чувствовалось что-то более глубокое.

– Здесь, – я опустила тетрадку и показала на квадратики со стрелочками. – Багратион остановил Наполеона. Наши войска успели занять высоты Прейсиш-Эйлау, – провела пальчиком к двойной линии. – Маршал Мюрат бросил в бой кавалерию. Но батальоны генерала Русанова отбивают атаки, – ткнула в прямоугольники. – Корпус маршала Даву пошел в обход наших войск... Критическое положение!.. И в этот момент солдаты генерала Русанова...

Новиков вдруг подхватил меня, и, не чувствуя веса, подкинул. Я ощутила силу этого человека, который, который... А он поймал и опустил:

– Вы... Вы... прелесть!

Теперь он все чаще заглядывался на меня и о чем-то думал. А я ловила каждый его взгляд, каждое его слово. Похоже, и родители отметили изменение в его поведении.

На пятый день к нам заехал посыльный от Русановых и сказал, что к ним приезжали из Землянска и интересовались, не было ли у них Новикова. Вячеслав Митрофанович быстро собрался, поблагодарил отца и мать за приют, крепко пожал руку моему брату Сергею и с полным слов «Жди, я вернусь» взглядом запрыгнул в седло и ускакал.

9

Меня волновало: понял ли Новиков, почему гимназистка нарисовала карту сражения под Прейсиш-Эйлау? Что это не просто желание показать осведомленность в военном деле, проследить родственную ветвь генерала Русанова. Что за этим таилось чувство девушки, заговори с которой о другой битве, она бы не смогла связать и двух слов. Вот что больше всего беспокоило, и я мучилась, с какой недосказанностью мы расстались. Чем больше задавалась этим вопросом, тем сильнее боялась за Новикова, которого искали солдаты.

Большевики показывали свое лицо. Они запросто могли ворваться к любому воронежцу и увезти, могли перевернуть в доме все вверх дном. Особый интерес они проявляли к тем, кто имел свое поместье, гостиницу, завод, контору, кто служил прежним властям. У нас не было ни завода, ни гостиницы, ни конторы, ни излишков пахотной земли. А дом, мельница, яблоневый сад вряд ли могли привлечь их внимание. Но мой брат Сергей был штабс-капитаном Смоленского полка, и это беспокоило.

Мои опасения подтвердились. Как-то в начале августа в Медвежье въехала телега с тремя разморенными жарой солдатами.

Сзади, болтая ногами, сидел детина в черной кожанке. Щурясь, он спросил у мужика, возившегося в огороде за плетнем:

– Где живут Алмазовы?

– А че вам надо? – поднял голову мужик. – Яблоки? Муку помолоть?..

– И яблоки, и муку, – словно пробудились солдаты.

Василий Алексеевич после работы отдыхал на веранде и встретил непрощенных гостей мирно.

- Что вы хотели?
- Твой сын ахфицер? – одетый в кожанку оголил беззубый рот.
- Он был на фронте. И вы небось тоже воевали...
- Я не воевал, – отрезал одетый в кожанку. – Я был на каторге...
- Все равно, дело подневольное, – взбодрился отец.
- Ты мне политику не гони! Хде он?
- Собирает в саду яблоки...
- Пушай и нам наберет корзинку, – окончательно проснулись солдаты.
- Отойдь! – в кожанке зашел в дом.

В гостиной полез по углам, заглянул под диван, распахнул створки буфета. Подошел к книжному шкафу.

- Анка Куренина. Белиберда! Ни Ленина, ни Марксу нету...

Отец пожал плечами.

Одетый в кожанку вытаскивал и потрошил книги, стучал сапогом по деревянному полу.

Толкнул дверь в детскую:

- Кака цаца!

Я вскочила и прижалась к стене. Одетый в кожанку вывалил на пол содержимое сундука, порылся в вещах.

Его сальный взгляд задержался на мне.

- Вот бы хде с барышней! – провел рукой по кровати.

У меня по спине заструился холодок.

Одетый в кожанку пнул дверь в комнату брата.

Откуда раздалось:

- А говоришь, яблоки!

Появился в гостиной с офицерским мундиром.

- Энто мы реквизируем!

– Вы, вы, – не выдержал Василий Алексеевич.

– Ты мне тут не выкай! Понял, шкура? – Щека у бывшего каторжника задергалась. – Где прячешь оружие?

- У нас оружия нет, – ответил отец.

– Энто мы проверим...

- А самогон? – загалдели солдаты.

Бывший каторжанин полез на чердак. Солдаты разошлись по дому. Я смотрела на них и думала: «Ну, ладно этот разнузданный большевик в кожанке. А солдаты? Неужели это те самые солдатухи, которым я с гимназистками писала письма, полные верой в их любовь к нам. Неужели?» И от стыда горели щеки.

Солдаты рылись в сарае, где под сеном брат спрятал наган, но его не нашли. Облазив подвал, подсобки, овчарню, они собрались на дворе. Видно было, что между делом успели напиться. Один солдат натянул на себя офицерский мундир, другой тащил корзину яблок, третий морщился и развешивал на уши лошади погоны.

- Прощай, выкало! – помахал кулаком бывший каторжанин.

– Хорошо, хоть Сережу не забрали, – устало произнес отец, когда телега загремела по ухабам.

- Жандармы себе такое не позволяли! – прижалась к груди мужа Мария Адольфовна.

Меня трясло, как в лихорадке: что за напасть преследует нашу семью? При царе забрали отца. При большевиках не оставляют в покое брата. Хорошо, хоть Новиков вовремя скрылся.

Убирая разбросанные вещи, мы обнаружили пустую бутылку из-под спирта, который использовался для лечебных нужд, и потом долго потешались над «солдатушками».

10

В разных уголках империи менялась власть, деньги, флаги. Россию раздирало на части. Возникали директории, образовывались правительства, республики. Иностранные легионы хлынули в наши порты. Казалось, все рушится.

Мы жили тревожно. По городу распространялся голод, хотя склады ломились от продуктов. Магазины пустели, торговля замирала, а большевики жировали. Положили себе зарплаты, какие не снились даже прежним чиновникам. Себя называли чуть ли не новыми господами. Устраивали облавы, требовали от дворян и офицеров регистрироваться. Кое-кого расстреливали, чтобы другие их не ослушались. И словно в укор царившему хаосу свой упорядоченный путь совершала природа. Весной устилала землю подснежниками, летом – тополиным пухом, осенью – лиственной периной, зимой – снежным покрывалом. Она словно показывала иной уклад, без пороков и потрясений, про который забыли люди.

Я не думала, что такое возможно, чтобы на службу к большевикам пошли офицеры. Я увидела бывшего прапорщика Лебедева, который маршировал по городу впереди взвода красноармейцев. Он шел с поднятой головой, четко отдавая команды. Наверно, так же маршировал и с солдатами старой армии. А теперь...

Первое желание было остановить и спросить: «Как вы можете, господин прапорщик, сначала служить одним, а теперь другим? Где ваша офицерская честь?» Но преградить дорогу не отважилась. Они бы смели меня своей массой. Да и Лебедев вряд ли стал бы слушать гимназистку. Они-то и людей, которых вели в чрезвычайку, не слушали.

Невольно вставал вопрос: что привело офицера в ряды красных? Но ответа не находила, хотя что-то туманное и объясняло поступок прапорщика, как и шаги многих других.

Еще летом лес стоял одноцветной стеной, а уже в сентябре можно было сосчитать, сколько в первых рядах кленов, берез или дубов. Запестрели желтые пряди в кронах лип. Как хорошо было забыться в лиственном раю! Но слышала, что на юге формировалась Добровольческая армия. В нее вливались донские казаки – донцы, и кубанские – кубанцы. Еще весной пронесся слух: добровольцы побеждают, скоро придут и освободят. И вот они вышли на Московскую дорогу, освободили Харьков, взяли Киев, Одессу. До них оставалось сто верст! По меркам России крошечное расстояние.

Их близость чувствовалась. Семьи коммунистов принялись паковать вещи и уезжать. Мой брат Сергей воспрянул духом. Мы были рады любому известию о движении белых.

В сентябре донской корпус генерала Мамонтова пронесся по тылам красных, побывал в Тамбове, в Ельце, в Задонске, в Землянске. Я прилежно вымеряла расстояние по географическим картам, которое отделяло нас от них.

Русановы рассказывали, как в Ерофеевку, это в трех верстах от Землянска, прискакали донцы.

– Где коммунисты? – спрашивали.

Им крестьяне:

– В соседнем селе есть двое. Один в поле пашет, а другой спрятался в лозняке.

Донцы поскакали в поле и привели коммуниста, другого выловили в камышах и увели с собой.

Брат Сергей собирался примкнуть к казакам, но мамонтовцы, минуя Медвежье, прошли на Воронеж. Брат хотел ехать за ним, но пока выяснял обстановку, Мамонтов оставил город и ушел на юг на соединение с кубанским корпусом генерала Шкуро.

Воронеж снова заняли красные. Вернулся и отступивший с батальоном Лебедев. Большевики озверели и хватали всех, кто хоть как-то выразил свою радость по поводу прихода белых. Грабили, казнили, их злобе не было предела. Я не могла понять, откуда в человеке могло скопиться столько жестокости. Ведь ни в отце, ни в брате, ни в себе подобного не замечала. Так что? Большевики – иные люди? Замешаны из второсортного теста? И лишь порой слышала от отца:

– Это все последствие того, как мы с ними обращались...

Папа был отчасти прав. Оказались бы помещики другими, пошли бы по стопам отца в тысяча девятьсот шестом году, так бы нам не мстили. Нас спасало только то, что во время рейда Мамонтова мы оставались безвыездно в Медвежьем.

Глава 2

1

К счастью, через три недели Воронеж опять взяли белые и жуткая вакханалия прекратилась.

С приходом белых вернулось бабье лето. Бархатный ветер сметал редкие тучи за горизонт. Тепло огромными валами катило с юга. Оттуда пришло и освобождение. Улицы Воронежа утопали в потоках публики. Весь город высыпал на мостовые встречать казаков корпуса Шкуро. Ликующие воронежцы бросали цветы, плакали. Считали, что большевикам приходит конец и они сюда больше никогда не вернуться. Ведь никто тогда и подумать не мог об обратном. В такое время мы с братом Сергеем не смогли усидеть дома, запрягли лошадь в коляску и поехали в Воронеж.

Большая Дворянская представляла собой великолепное зрелище. Дамы в нарядных платьях, мужчины в спрятанных при большевиках в сундуки мундирах загрохотали мостовые. Мы оставили коляску у ограды Смоленского храма и за толпой поспешили к гостинице «Бристоль». С балкона гостиницы выступал молодой генерал в кубанской шапке, крестах и эполетах.

– Ну что, граждане воронежцы! – генерал держался руками за перила. – Я мобилизовывать вас не буду. Кто хочет, тот сам к нам придет. Раздавать обмундирование и оружие тоже не буду, чтобы не растащили. А сначала я вас накормлю!

Из толпы раздалось «Ура!»

Я всматривалась в военных, которые окружили генерала, на балконы слева, справа, выше, в стекла огромных окон гостиницы и искала лицо, похожее на лицо генерала, с такими же белокурыми, вьющимися волосами, но как бы более благородное, с более выразительными глазами и большим лбом. Я не сомневалась, что с добровольцами придет он. Если, конечно, к тому времени не сложил голову на полях сражений. Но в это не верила, и мои мысли оберегали его.

Когда генерала сменил мужчина в штатском, я посмотрела на брата.

– Я тоже ищу, – сказал Сергей.

Мы пробрались к высоченным дверям гостиницы, где накануне находился штаб обороны красных, а теперь стоял казак в башлыке.

– Скажите, вы ничего не знаете о полковнике Новикове? – спросила я.

– Здесь штаб Кубанского корпуса генерала Шкуро.

– Ну да, конечно... О Вячеславе Митрофановиче?

– А, Вячеслав Митрофанович?... А, он собирался в газету... Чи «Курьер», чи «Телеграф» какой-то...

– Помнишь, Оленька, выходила такая газета «Воронежский телеграф». Ее большевики закрыли, – напомнил мне брат.

– А где эта газета?

– Рядом...

Мы поспешили к следующей двери. В узкой комнатенке за столиком с гнутыми ножками что-то писал мужчина в очках, а рядом стоял... Стоял... Мне сделалось плохо...

– Вячеслав Митрофанович, штабс-капитан Алмазов! – доложил брат.

– Ольга? – Новиков отрешенно посмотрел сквозь меня.

«Он что, не ожидал увидеть?» – Я не могла прийти в себя.

– Давайте выйдем...

– Вячеслав Митрофанович! Это я – Оля Алмазова! Вы что, не узнаете? – чуть не заплакала.

– Узнаю, узнаю! Как же не узнать? Как? – Его лицо вспыхнуло доброй улыбкой, и он произнес. – Простите...

– Что с вами?

– Моего брата Леонида убили. Вот, выкопали останки священников и среди них...

– Как?! – я зажала рот.

Вспомнила, что у Новикова брат был тоже полковником. Сразу забыла о себе, желая как-то утешить Вячеслава Митрофановича. Он попросил извинения и вернулся в редакцию готовить свежий номер газеты, а я осталась ждать, радуясь встрече и вместе с тем небывало волнуясь.

Он появился, но скрылся в штабе корпуса. А когда стало темнеть, наконец-то подошел ко мне:

– Я в вашем распоряжении!

Вокруг тысячами разноцветных ламп горели витрины магазинов, играла музыка, город гудел, словно проснувшись после долгой спячки. Я терялась, хотела предложить Вячеславу Митрофановичу повести меня в сквер к памятнику Петру Первому, в Бринкманский парк.

Новиков взял меня под локоть и повернул к дверям ресторана в гостинице «Бристоль».

«Зачем? Я никогда не была в ресторане!»

Мы поднялись под заполненные гомоном людей, увешанные люстрами своды.

– Ты знаешь, кто это? – Новиков показал на генерала, который пустился впрыска по залу. – Шкуро!

Генерал, заламывая кубанскую шапку, заканчивал круг. Публика стонала от восторга.

Шкуро произвел на меня сильное впечатление: с открытым, мужественным, немного простецким лицом, проницательным взглядом, освободитель.

Когда он подошел к столу с офицерами, Новиков представил меня:

– Андрей Григорьевич, Ольга Алмазова. Добавлять что-то к фамилии считаю неуместным...

– Вам повезло, полковник! – улыбнулся Шкуро и поднял бокал: – За воронежских барышень!

Скопление офицеров, громкий разговор, бряцание саблями – все это оказалось мне в новинку. Я почувствовала себя неловко и взмолилась:

– Давайте уйдем...

Новиков согласился, и мы незаметно покинули зал.

Снова окунулись в буйство уличных огней самых причудливых комбинаций. Меня покачивало от прилива чувств. Вячеслав Митрофанович что-то рассказывал про оборону красных: белые взяли город почти без боя, караульный батальон Лебедева при первых выстрелах орудий разбежался, Лебедевым теперь занималась контрразведка.

– Вы его знаете? – спросила я.

– Когда-то вместе воевали с австрияками...

– Вот как бывает! А как вы относитесь к тому, что он теперь с большевиками?

– Предатель.

В глаза бросилось, как он переживал измену однополчанина. Новиков рассказал, что ему поручено сформировать в городе Смоленский полк и со следующего дня он к этому приступает, что добровольцы скоро возьмут Орел, а затем Тулу и Москву.

Я была на седьмом небе от счастья. Из головы повылетали все слова, которые собиралась произнести при встрече.

Только за полночь мы расстались в глубине привокзального квартала, где на порогах гостиницы меня ожидал брат.

2

Шкуро сдержал обещание: приказал открыть забитые продовольствием склады и раздать продукты горожанам. Поделится и привезенными в обозе мешками хлеба. Городская жизнь налаживалась. На базаре разгорелось небывалое оживление. Крестьяне опять повезли в город муку, масло, яйца. Воронежцы успокоились. В них поселилась уверенность, что отныне ни к кому не ворвутся красноармейцы, никого не ограбят и не уведут. Теперь повсюду ловили большевиков, которые не успели покинуть город.

Заработали губернская и городская управы. Улицам вернули прежние названия: проспект Революции переименовали в Большую Дворянскую; Плехановскую – в Большую Московскую. Стали возвращать хозяевам отобранные у них дома. Заводчикам – заводы. А на площади около бывшего здания губернского Чека расчистили площадку и повесили пятерых большевиков. Среди повешенных не было ни Лебедева, ни каторжника, который проводил обыск в Медвежьем. Когда я увидела две тонкие оглобли, соединенные перекладиной, на которых ветер раскачивал тела, и они вращались на пол-оборота влево, вправо, я не смогла смотреть и отвернулась.

– Это им за то, что натворили, – сухо сказал Новиков.

Вид перекладины и людей, качающихся на ней, ошеломил и глубоко запечатлелся в моей памяти. Время от времени я вспоминала вытянувшихся над землей большевиков.

Вышли в свет закрытые прежними властями газеты. В первом номере «Воронежского телеграфа» появилась заметка о красном терроре, убитых монахах и полковнике Леониде Новикове, на телах которых нашли следы пыток.

А над заметкой крупными буквами выделялось объявление:

*«Восстанавливается доблестный 25-й Смоленский
пехотный генерала Раевского полк...
Запись производится в Воронеже
на Большой Дворянской в помещении
гостиницы “Бристоль”...
ежедневно с 10 утра до 2 часов дня и с 4 часов дня до 6 часов...»*

Полковник Новиков».

– Иду записываться! – выкрикнул Сергей, прочитав объявление. – Ты пойдешь со мной?

– А как же!

Мы прибежали к гостинице, около которой толпились люди молодые и чуть постарше. Это были вчерашние студенты, бывшие офицеры, солдаты. Видно было, что среди них много удивительных смельчаков, каждого из которых хотелось обнять и расцеловать. Такие они были открытые! Кто-то пришел один, кто-то со своими женами, кто-то с невестами.

За порядком следил вихрастый подпоручик:

– Господа! Все успеете! Готовьте сразу документы!

Я протиснулась к двери.

– Барышня! Вы в пехоту аль в кавалерию? – оглядел меня.

– Я к Вячеславу Митрофановичу...

– Он занят! – подпоручик посмотрел в комнату, где вокруг стола сгрудились военные.

– Уманец! Пропустить! – раздался знакомый голос.

В гуще людей я разглядела Новикова.

– Слушаю, ваш благородь! – произнес подпоручик по-старорежимному и помог мне войти.

– Оленька! Как вы кстати. Садитесь и будете за секретаря, – Новиков показал на кресло. – Видите, сколько желающих!

Я утонула в кресле и подалась к столу, на котором лежала кipa бумаг и стояла чернильница. Взяла ручку и макнула перо.

– Пишите, – сказал Новиков. – Мыльцев-Минашкин Мин Терентьевич, родился... Где ты, дружище, родился? Что-то запамятовал...

– Вячеслав Митрофанович, это вам не борзых на зайца пускать...

– Мы еще наохотимся! – похлопал по плечу Мыльцева-Минашкина.

– Село Поньры Фатяжского уезда Курской губернии, – доложил стройный молодой человек.

– Происхождение?

– Сын волостного писаря.

Я старательно выводила каждую букву.

– Веселаго Всеволод Иванович, – представился другой. – Ротмистр... Смоленец...

– Это мы знаем. – Новиков склонился надо мной. – Оленька, вы успеваете? Умница! А почерк, почерк! Вижу, вы не только умелица чертить военные карты...

– Королев Лазарь Иванович. – Новиков подозвал щуплого мужчину. – Родом из села Новоживотинное. Наш сосед, Оленька. Мы плечо к плечу прошли с ним Карпаты...

Стопа бумаг росла. Записывались безусые юноши и ветераны, уже понюхавшие пороху. Я заполнила лист на Косцова Владимира Николаевича, моего брата Алмазова Сергея Васильевича, своим видом не показавшего родственную связь со мной. Все наперебой рассказывали о том, что привело их в полк. Кто хотел отомстить за разгром усадьбы, кто за убитого большевиками отца, кто за поруганную честь невесты, кто шел воевать из чувства солидарности с белыми и желал остановить разгул черни. Я увидела, на каком взлете возникала Добровольческая армия. В нее хлынули все те, кто не мог принять навязанный большевиками образ жизни. И стоило только удивляться, как быстро красные восстановили против себя столько людей.

3

– Хочу показать вам город! – Я потянула Новикова за руку.

И мое платье поплыло по тенистым улицам.

Вячеслав Митрофанович мог сказать, что знает город не хуже любого воронежца, но покорила гимназистке. Я уже не чувствовала неловкости рядом с Новиковым. Один его вид, вид героя войны, делал всякую спутницу уместной. Никакие сплетни не могли прилипнуть ко мне. Любая, невзирая на возраст, считала бы за честь пройти с георгиевским кавалером. С нами здоровались, военные отдавали честь, а я, как вырвавшийся из теснины ручеек, не могла остановиться. Может, говорила что-то сумбурное, легковесное, но на душе было радостно и светло.

– Вот дом губернатора! В таком доме мог бы поселиться генерал Новиков! – показала на губернаторский особняк.

– Болтушка!

Конечно, он тоже мечтал о чем-то достойном, быть может, о таких же хоромах, в которых мог жить. О генеральском звании, которое украсило бы отважного мужчину.

– А этот человек прорубил окно в Европу! – показала на памятник Петру в окружении дубов, чьи ветви тянулись вверх, как и рука императора.

– Вы намекаете на то, что нам стоит прорубить окно в Москву?

Новиков был воодушевлен. Добровольцы шли по Московской дороге. Взяли Орел. Три перехода оставалось до Москвы. И упоминание об императоре-победителе раздалось созвучно нашему настроению.

Мальчишки клеили к тумбам газету «Дело» и кричали:

– Читайте! История полка, связанного с именем генерала Раевского!

– Полк сформирован Петром Первым в 1700 году!

– Полку 219 лет!

Я повернула Новикова к тумбе.

– «Поля Полтавы, Кенигсберга, Ларн, Кагула и Рымника, – прочитала, заглядываясь на спутника. – Любимый Суворовым! Совершил чудеса храбрости в Итальянском походе... Смоленск... Бородино...»

Меня переполняло от восторженных чувств.

Рядом остановилась дама в огромной шляпе и длинном платье с узкой талией.

– «Воронежцы гордились подвигами родного полка... В 1917 году, когда армия отступала от Тернополя, смоленцы отбили атаки немцев и переходили в контрнаступление...»

– Удальцы! – воскликнула дама.

– «Доблестный георгиевский кавалер, сражающийся в рядах Добровольческой армии, формирует 25-й пехотный генерала Раевского Смоленский полк».

– А скажите, кто этот доблестный георгиевский кавалер? – дама повернулась к Новикову.

Вячеслав Митрофанович поднял руку, чтобы прикрыть георгиевский бант на груди, но не успел, и только сказал:

– Мы не подведем...

С вокзала доносились гудки паровозов, бойко щебетали птицы, улицу нежно обливало вечерней прохладой, за спуском к реке стелилась медная степь, а мы стояли и молчали. Дама, восхищенно оглядев Новикова, отошла. Куда-то делись мальчишки. В эту минуту меня не сдвинула бы с места упряжка лошадей.

– Оля, я вам давно хотел сказать...

Мое сердце готово было разорваться. Я ничего не понимала и вместе с тем ловила каждое его слово. Он произнес что-то очень ласковое. Очень понятное. Меня бросило ему на грудь. Я зарыдала. Он гладил меня по голове и шептал:

– Моя...

Я плакала от счастья. Теперь я знала, кто я ему...

Через день я уехала в Медвежье готовиться к свадьбе. Новиков обещал приехать и просить у родителей моей руки.

Отец, услышав о моем замужестве, спросил:

– А не рано ли? Тебе бы еще гулять да гулять.

– О чем вы говорите, папа? Мне теперь гулять суждено только с одним человеком!

– Может, подождать? Хотя бы до тех пор, пока белые возьмут Москву.

– Почему вы хотите лишиться меня удовольствия въехать в Москву женой Новикова?

– Ладно... А готова ли ты, доча, быть офицерской?..

Он не успел договорить, как из меня хлынул поток утвердительных слов, на что отец замолчал.

Меня стали готовить к свадьбе. Заказали подвенечное платье у портнихи в Землянке, собирали приданое, уточняли список гостей.

Я бредила теми торжественными минутами, когда священник в белых одеждах спросит: «Согласна ли ты, раба Божья Ольга, стать женой раба божьего Вячеслава?» Даст несколько секунд на размышление, а я воскликну так, что разверзнутся купола: «Да! Да!» Он протянет суженому кольцо, и тот наденет его на мой тонкий безымянный палец.

Младший брат Алексей предложил съездить в Богоявленовку и поговорить с местным батюшкой о венчании. Но я хотела, чтобы нас венчали не в приходской церкви, а в самом

большом соборе Воронежа. Договориться об этом поручили Сергею, который остался в городе и помогал Новикову формировать полк.

О предстоящем венчании прознали крестьяне Медвежьего. Пришли к отцу и заявили, что в дом на праздник не просятся, но их любимицу Оленьку Алмазову просто так в жены не отдадут. А в означенный день будут гулять всей деревней. Тогда по обычаю гуляли неделю-другую, и я этому еще больше обрадовалась.

– А если сойдутся из окрестных сел? – спросил Алеша.

– Как здорово! Пусть гуляет вся Богоявленовка, Трещевка, Ерофеевка... Весь уезд!

Мне казалось, что все вокруг переполняет радостью от того, что Ольга Алмазова выходит за Вячеслава Новикова.

Хотя и беспокоило, как быть с тортом с тележное колесо, какой был на свадьбе Вячеслава и его первой жены Любви. Но ни папа, ни мама о торте не напоминали. Я доверила свадебные приготовления своим родным, а сама целыми днями подбирала кофточки и платья для будущей семейной жизни, прикидывала, какие наряды возьму с собой в Москву, куда поеду с Новиковым.

4

Разбег дня замедлялся. Последние лучи солнца рано задерживались в тени рощ. Уходящая лавина красок топила дубравы. В такие вечера я часто разговаривала с родителями.

– Папа, а ведь Лебедев оборонял город от белых. Как это можно против тех, с кем воевал плечом к плечу? – спросила отца.

– В смутное время все возможно, – говорил Василий Алексеевич. – Я тоже этому сначала удивился. Ведь отец Лебедева тоже сидел в тюремном замке, как и я. Но потом понял. Дело в том, что я сидел за то, что хотел раздать землю помещиков, а он за подпольную типографию. Отец Лебедева дружил с Максимом Горьким. А я избегал революционеров...

– Папа, раз уж разговор так пошел, то почему ты сторонишься батюшек?

– Я не приемлю, что нельзя понять. Возьми таинство причащения. Человеку подают просфору. По словам священников, частичку тела Христа. Ложечку кагора. Его кровь. Но разве можно, есть тело, пить кровь? Это ведь... людоедство.

«Я бы тоже не смогла», – подумала я и напугалась:

– Ты против венчания?

– Что ты, детка! Мы тебя крестили и повенчаем! Знаешь, как по душе простота доверчивых обрядов...

– Но ведь и при венчании пьют кагор.

По утрам я ездила на примерку в Землянск – маленький, тихий, не связанный с остальным миром даже железной дорогой, городок. Большак пролегал по степи. В янтарных оправках лесополос синели поля. Медью обливало стволы сосен, а на откосах жались к земле красные листики усыхающей земляники.

Очарование очей!

Проселок скатывался в котловину с речкой Серебрянкой, за которой на пологий холм лезли домики, церквушки и уездные учреждения Землянска. В самой низине в пристройке двухэтажного здания военкомата квартировала портниха.

Подъезжая к военкомату, я обращала внимание на снующих военных и спрашивала себя: «Неужели так же озабочен Вячеслав Митрофанович? С такими же хлопотами сколачивает полк?»

Портниха, упитанная курносая говорушка, мне постоянно льстила. Работая ли иглой, разглаживая ли складки материи, подчеркивала, как повезло мне – юной барышне с женихом и жениху со мной. Когда же во время примерок заходила дочь Землянского городского главы

Мария Новоскольцева, она осыпала комплиментами и Марию. С Марией мы быстро познакомились. Мария давала советы, как подобрать фасон, где оторочить платье, где сделать разрез. Она была уже замужем, и ее муж служил рядом в уездном военкомате.

– Оленька, право не знаю, успеете ли вы сыграть свадьбу? – как-то заметила она.

– А что-то может помешать? – удивилась я.

В словах Новоскольцевой звучали тревожные нотки, но она ушла от прямого ответа и перевела разговор на другую тему.

А чего мне было бояться? Все шло как нельзя лучше. Вскоре готовое платье висело в шкафу; приданое разместилось в сундуках; в подвале ждали подходящего момента соленья, варенья, съестные припасы на любой вкус; в саду вытянулся навес со скамьями для гостей; брат договорился с настоятелем Смоленского собора о венчании; в сарае смазанными колесами и лакированными крыльями блестела коляска для новобрачных; в конюшне стучали копытами кони; даже борзые, которые давно не охотились, взбодрились и виляли хвостами.

Я загадывала день и час приезда Новиков и представляла, как в парадном мундире во дворе появится Новиков, как спрыгнет с коня, как пройдет по стежке, сметая листву, как ступит в комнату к моим родителям, как попросит руки их дочери, как прослезятся отец и мать и благословят.

Бывают ли сладостнее минуты?

Ветер срывал листья с крон, целыми охапками подбрасывал над землей, ковром стлал в саду. Бушевал карнавал осени, листопад, праздник природы.

И моей души!

5

Я ждала Вячеслава Новикова, ждала утром, днем, вечером, ночью, изо дня в день, а вместо него прискакал его адъютант Уманец.

Сразу прошел ко мне:

– Барышня! Я к вам с новостью...

– Какой?

– С венчанием придется повременить...

– Как повременить?

– Мы оставляем Воронеж...

Я ничего не могла понять. Готова была схватить Уманца за грудь и затрясти: но почему венчание откладывается? Почему оставляют Воронеж? Почему не приехал сам Вячеслав Митрофанович?

– Красные наступают...

Мы в Медвежьем, как всегда, обо всем узнали позже всех.

– Вячеслав Митрофанович просил передать, что вы вольны поступить, как считаете нужным. Если пожелаете остаться, я уеду. Если ехать, я вас доставлю к нему в целости и сохранности...

Пожелаю не пожелаю. Как я могла не пожелать! Я готова была ехать за Новиковым хоть на край света.

– Он сказал, что вам можно и переждать в Медвежьем, но уверенности, что мы скоро вернемся, нет.

Голова у меня пошла кругом. Я в смятении смотрела по сторонам.

В комнату вошел отец. Он обо всем сразу догадался. Мне пришлось выдержать тяжелый разговор.

– Ольга! Не спеши. Куда ты поедешь? Ведь войска отходят.

– К Новикову.

– В качестве кого?
– Невесты...
– Ольга, образумься, там война!
– Ну и что?!
– ... Ведь в нашем кругу не принято, чтобы девушка без брака...
– Папа! Что ты говоришь, ведь ты, ведь ты...
– Оленька, доченька, – взмолилась мать.
– Что я скажу Новикову?! Что струсил? Бросила лю... – во мне поднялось что-то жесткое. – И если я останусь, красные кинутся меня искать. Ведь весь Воронеж видел меня с Вячеславом Митрофановичем...

Сама не ожидала, что во мне проявится такая твердость.

О существовании большевиков мы как-то забыли. Поверив в силу добровольцев, думали, что красные ушли навсегда, но, видимо, ошибались.

Я попросила родителей не прятать далеко подвенечное платье, не спешить раздавать продукты, приготовленные на свадьбу, не снимать навес и не разбирать лавки для гостей. Мне казалось я уезжаю ненадолго.

В саквояж кое-как затолкали мои вещи – собрали бы два чемодана, три, если бы я не воспротивилась.

Тепло одели: вечером уже было прохладно. Заручились у адъютанта заверениями хранить меня как зеницу ока, перекрестили и отпустили.

Две лошади с всадниками выехали из Медвежьего.

Я испытывала угрызения совести потому, что оставила родителей, но мною руководило другое: иного пути, кроме как к Новикову, у меня не было. Можно было осуждать меня за поспешность, непродуманность, взрослая бы женщина такого не совершила, но я была молода и влюблена!

Долго скакали по разноцветным, словно склеенным из лоскутов, полям, пока в лучах заката не показалась дорога «Воронеж – Землянский». Я увидела поток скрипучих повозок, перегруженных пролетов, отдельных всадников и пешеходов. Все двигалось в сторону Землянска. Мелькали мундиры чиновников, служащих банков, костюмы дворян, сюртуки купцов. Шли и ехали пожилые и молодые, женщины и дети. Видно было, что люди уходят целыми семьями, тронулись в путь все те, кому оставаться в Воронеже было не просто рискованно, а смертельно опасно.

Многие уходили. Офицеры увозили свои семьи. Я видела, как люди бежали, хватались за телеги, как старший офицер приказал солдатам слезть с телег, и в них усадили женщин и детей.

Все катилось на запад.

Высматривала брата Сергея, но Уманец сказал:

– Смоленцы прикрывают отход.
– А где Новиков?
– Со смоленцами.
– Так куда мы скачем?
– Разговорчики, барышня! – неожиданно приструнил Уманец. – Раз уж решились ехать, то слушайтесь. Мы едем туда, где встретите Новикова.

Обгоняя темные очертания пешех, повозок, мы добрались до Землянска. Уже стояла глубокая ночь, и не было видно ни неба, ни отблесков на низких тучах, все сковала густая темнота.

Кое-как нашли военкомат, окна которого горели слабым светом. Вокруг, несмотря на поздний час, носились люди. Я еле достучалась до портнихи в пристройке военкомата и попросилась переночевать.

Портниха оказалась на редкость молчаливой. Из ее уст не вылетело ни одного слова, какими неделю назад она расхваливала меня и мой брак с Новиковым. Но я была очень усталой и не придавала этому никакого значения. Легла и провалилась в тяжелый сон.

Утро проснулось в молочном тумане. Вставать не хотелось. Но я заставила себя быстро одеться.

Около военкомата толпились люди.

– Набирают пополнение, – сказал мне Уманец.

Ко мне подбежала женщина:

– Ольга! Не узнаете? Я Мария Новоскольцева.

– Ах, да, Мария. Я вас узнала.

– Вы тоже бежите? Понятно... Ваш муж...

– Что вы хотите этим сказать?

– Моего мобилизуют...

– Куда?

– В Смоленский полк.

С ней поднялись по скрипучей лестнице на второй этаж, где в просторной комнате с огромным шкафом и портретом последнего российского императора на стене, а картинами Керенского и какого-то матроса в углу, за узким столом военные окружили Всеволода Веселаго.

– Вот он забирает моего мужа! – Мария показала на Веселаго, перед которым стоял грузный офицер.

– Госпожа Алмазова! – вскочил Веселаго. – Да объясните этой даме, что если мы не заберем ее мужа, его заберут большевики. Лучше пусть идет к нам в Смоленский полк...

Я не стала вмешиваться в чужие дела:

– Где Новиков?

– Он с полком пошел на Латную – Нижнедевицк – Касторное. Это станции по дороге на Курск.

– А вы?

– Укомплектовываю взвод.

– А мне Уманец сказал, что Новиков здесь...

– Уманец, Уманец! Обстановка меняется каждый час. Полк перебросили. Буденновцы жмут...

6

Я услышала слово «буденновцы». Именно они ордой появились из степей и хлынули на Воронеж. Их сдерживал кубанский корпус Шкуро, а в пехотной группе отбивался 25-й Смоленский полк полковника Новикова. В полку насчитывалось четыреста добровольцев. Покидая город, смоленцы пели:

– Смело мы в бой пойдем за Русь святую!

Теперь они уже изрядно удалились от Воронежа.

Я настояла, чтобы Уманец отвез меня к Новикову.

Мы поскакали в сторону железной дороги, надеясь там застать Смоленский полк. С серого неба сыпал холодный мелкий дождь. На полях каркали вороны. Телеграфные столбы безучастно уходили в тусклую даль. Как мы ни погоняли лошадей, они, мокрые и грязные, вскоре перешли на шаг.

Подъезжая к станции Курбатово – это между станциями Латная и Нижнедевицк, я обратила внимание на переполненный беженцами поезд. Вагоны ломились от людей. Из окон выглядывали пожилые мужчины и женщины, молодые дамы, девочки и мальчики, лица которых были полны надежды. Паровоз натужно пыхтел на путях, готовый вот-вот сорваться в бег. Но его не выпускали, пока грохоча и выкидывая черный дым, не пронесся встречный бронепоезд.

Увидев пушки на платформах, бронированную башню на заднем вагоне, командира поезда в английской шинели, почерневшей от машинного масла, я воскликнула:

– Раздадутся залпы орудий, и буденновцы разбегутся по кустам!

– Если бы, – услышала от Уманца.

– А как же! Ведь скоро кому-то придется туго!

– Я вижу вы неисправимая оптимистка.

– А вы?

– В молодости тоже верил в чудеса...

Мне было трудно понять адъютанта Новикова: он что, за красных? Но в его преданности Вячеславу Митрофановичу я не сомневалась.

После прохода поездов мы пересекли одноколейную железную дорогу и снова окунулись в безбрежную степь.

Когда проехали верст пять, с бугра в низине открылось село. Я обомлела. Вниз на версту сползал наклон и затяжным подъемом на версту лез на холм. Он был забит конниками, обозами, табунами лошадей и стадами скота. Вся эта масса медленно двигалась. После дороги на Землянк, поезда с беженцами в Курбатово я ощутила всю глубину постигшего нас бедствия. Можно было подумать, что происходит переселение народов. И над всем этим кишащим потоком сгушалась темная туча, готовая вот-вот разразиться ливнем.

Мы примкнули к колонне. Оказалось, это кубанцы перегоняют свою добычу. Я увидела, как казаки гнали колонну пленных. Пленные шли по мокрой дороге полураздетые. Среди них я узнала Лебедева. Его лицо было разбито. Он качался.

Из обоза ему кричали:

– А, попался комендант Воронежа!

Видно было, что с ним поработали в контрразведке.

У меня сжалось сердце, и мне захотелось ему помочь. Я повернула коня к проезжавшему офицеру и сказала, что Лебедев бывший прапорщик. И что, возможно, по ошибке попал к большевикам.

Почему так сказала?

Почему обманула?

Во имя чего?

В молодости мы все способны на непредсказуемые поступки.

Я не знаю, отпустили Лебедева казаки, освободили его красные, он умер или бежал, но на всем протяжении пути до Новороссийска я его не видела.

– Барышня, вы слишком добры! Как бы вас это не погубило, – сказал Уманец, скрыв от офицера должность Лебедева у большевиков.

Скользкая дорога, спуски и подъемы, овраги и болота тормозили движение обозов и армии. Три недели корпус Шкуро и смоленцы отходили от Воронежа до Касторной. Три недели шли восемьдесят верст, сдерживая конницу Буденного. Мы с Уманцем искали Новикова во всех попадавшихся нам на пути населенных пунктах, воинских частях, но найти не могли. Его со Смоленским полком бросали с одного участка на другой, и угнаться за ним было невозможно.

Мы встретились на станции Касторной. Касторная – узел на пересечении железнодорожных путей четырех направлений. На запад Курск, на север Москва, на восток Воронеж, на юг Донбасс. Сюда отошли белые и приближались красные.

Новиков, увидев меня, облегченно вздохнул:

– Наконец-то...

Я почувствовала себя чуть ли не героиней. А как же иначе? Ведь я его все-таки нашла! Приехала!

– Простите, Оленька, что не смог сам доехать... Нами затыкали все дыры...

Он гладил по метке на лбу коня – я узнала Дарьяла, а мне казалось, что он проводит рукой по мне. Он выглядел усталым, но из него исходили свет и сила, которые помогали поддерживать смоленцев. К своему огорчению, я узнала, что белые оставили Орел и с упорными боями отходят на юг. А к радости, – что предстоит решающий бой в Касторной, после чего белые снова пойдут на Москву и Воронеж.

7

К Смоленскому полку примкнул Веселого с взводом, укомплектованным в Землянке. В полку собралось много земляков, которые были готовы сражаться до победы над большевиками. Вместе с Мыльцевым-Минашкиным, Королевым, Сергеем Алмазовым в полку оказался Косцов Владимир Николаевич, Златоустов Клавдий Николаевич, Флигер (муж Новоскольцевой), Шнейдер Иван Федорович. Многие из них раньше служили в полку. И о них лестно отзывался мой брат Сергей. Теперь он состоял при штабе полка на особых поручениях.

Сергей спросил:

– Как родители отнеслись к твоему отъезду?

– Пожелали скорее вернуться, – отшутилась я, не желая вспоминать расставание.

Но были и такие, кто остался в Воронеже. Я обратилась к Новикову:

– А что сын воронежского городского главы Чмыхов?

– Он не военный человек, – ответил с сожалением Новиков.

Ему было неприятно сознавать, что его не поддержал давний приятель и отказался вступить в полк.

В Добровольческую армию входили Корниловская дивизия – корниловцы, их легко было отличить, носили малиново-черные погоны с шевроном, с изображением черепа и костей, на левом рукаве; Марковская дивизия – марковцы – черные погоны; Алексеевская дивизия – алексеевцы – черно-белые погоны; Дроздовская дивизия – дроздовцы – малиновые. Эти полки еще называли цветными. Они не маскировались и, как и смоленцы, уже одним своим видом устрашали врага.

В Касторной я познакомилась с бородатым генералом Постовским, который одевался в солдатскую шинель. На погонах у него химическим карандашом было выведено несколько «зигзагов», что означало его звание генерала. Он командовал пехотной группой, куда входил и Смоленский полк. «Генеральский» мундир поразил меня.

– Вы удивлены, как я одет? – спросил генерал, когда с Новиковым подскружили к нему.

– Во-первых, – объяснил Постовский, – чтобы было тепло, во-вторых, чтобы красные не узнали, что я генерал. Маскировка. А у вас отличная лошадь, полковник, – обратился к Новикову. – Не бойтесь, что ее могут под вами убить?

– Не только ее, – ответил Новиков, – но и меня тоже.

На это генерал заметил:

– Напрасно вы надели полковничий мундир. Смотрите на меня, если меня поймут красные, я выгляжу, как солдат. Я даже не бреюсь поэтому...

Я испытала неприятное чувство от внешнего вида командира пехотной группы. Думаю, подобное испытал и Вячеслав Митрофанович. Сколько еще случайных людей нам предстояло встретить на войне.

Морозило. Легкий туман застелил степь. Смоленцы пили чай, подходили к своим винтовкам, ощупывали висящие на них патронташи. Пулеметчики хлопотали у лошадей, которые, будто чувствуя, что им придется жарко, торопились жевать сено. Я с нетерпением ждала начала боя. Новиков ускакал к колокольне, где находился наблюдательный пункт. Брат Сергей строго-настрого приказал мне никуда из дома, где мы с ним остановились, не отлучаться.

Но как я могла упустить такое? Я тайком выскочила из хаты и взобралась на бугор. Туман рассеивался. Я увидела, как две цепи красных вразвалочку шли в сторону станции Касторной. Слышно было, как по ним открыла огонь артиллерия, потом пулеметы и винтовки. Цепи залегла, потом откатились. Теперь цепи пошли на село Касторное, которое было в стороне от станции. Его обороняла пехотная группа генерала Постовского. На пути цепей стали смоленцы.

– Ну, держитесь! – меня лихорадочно трясло.

Застучали пулеметы. Красные перебежками двигались вперед. По ним открыли огонь из винтовок. Вперед понеслась конная сотня. Красные покатились.

Моей радости не было предела:

– Тра-та-та-та-та!

Повторяла стук заглохших пулеметов.

Через час они снова пошли в атаку. Повалили сплошным валом.

Я видела, как мой брат поскакал от колокольни к марковцам – те находились на станции; как быстрым маршем прибыла рота с черными погонами; как залповый огонь разметал поток пехоты.

– Ты что тут делаешь?! – как ребенка с бугра стащил меня брат. – Я тебе что приказал! Не будешь слушаться, отправлю в Медвежье!

Угроза подействовала.

Пока бой не стих, я просидела в доме, поглядывая на купола рядом стоящего храма и невольно думая о венчании, с которым приходилось повременить.

А потом дотошно расспрашивала Сергея:

– Ну, как, марковцы подоспели? А что Новиков? А Веселаго?

Красным не удалось захватить село. Но на правом фланге фронта они оттеснили конные части Шкуро и заняли станцию Суковкино, отрезав отход на юг трем бронепоездам.

Бои становились ожесточеннее. Смоленцев перебрасывали с одного края на другой спасать положение, и они не знали покоя.

Новиков говорил:

– Нас кидают в пекло, а казаков жалеют!

Он валился с ног, и только Всевышнему известно, какие силы заставляли его снова поднимать полк, отбивать атаки красных и потом их преследовать. О смоленцах заговорили, как о малых числом, но сильных духом. В тяжелые минуты им помогали марковцы, которые понимали, что смоленцам не дожидаться помощи от казаков: те не решались воевать даже со слабым противником.

Я спрашивала Новикова:

– Почему казаки ведут себя так?

– А ты что, не видела, какие обозы они привезли?.. Им теперь это надо довести до дома...

– Неужели и Шкуро такой?

– А разве дело в нем? В настроении казаков...

Меня отправили на станцию Касторную под присмотр коменданта, где под защитой бронепоездов находиться было безопаснее. Воспользовавшись передышкой, уехал на родину в Поныри Курской губернии Мыльцев-Минашкин, надеялся вывезти из имения родителей.

Ошеломительным известием прилетело:

– Оборона смоленцев прорвана...

Меня никто не мог удержать. Я взлетела на насыпь станции, с которой открывался обзорный вид на равнину и село Касторное. Увидела, как конники скачут по улицам села и отлетают от залпов смоленцев, как снова пробежала на выручку офицерская рота марковцев, как смоленцы вытянулись из села и, отстреливаясь, отходили к станции, как Новиков на Дарьяле кружил в последней цепи.

Я с ужасом вспомнила слова Постовского: не боитесь, что могут под вами убить коня, полковник?

Но обошлось. Красных остановил огонь бронепоездов.

8

Все ждали решающего сражения, когда разобьют Буденного и белые двинутся в наступление. Марковцы и смоленцы готовы были биться до последнего. А вот казаки? Помню, много беженцев собралось на насыпи железной дороги. Они не хотели ехать никуда, надеясь, что вот-вот все изменится, красных толкнут на север и восток и люди вернутся в оставленные дома. Мною владело приподнятое настроение. Еще накануне я увидела три танка, которые сгружали на станции.

– Они им дадут!

Я наблюдала в бинокль с насыпи. День выдался ясный, и можно было видеть конные лавы. У меня спрашивали: «Ну что там?», «Ну не молчите же!», просили бинокль, что-то восхищенно вскрикивали, заметив хоть малое движение. Массы кавалерии маневрировали друг перед другом.

Я твердила:

– Прейсиш-Эйлау... Кенигсберг... Рымник... Бородино...

И не знала, с какой битвой сравнить предстоящее сражение. В моем воображении роились варианты боя, в конце которого буденновцы обязательно побегут.

День перевалил за полдень, но кавалерийский бой не начинался.

И вдруг:

– Наши отходят!

Конная масса казаков в беспорядке рысью сдавала назад.

Никто не верил. Вырывали друг у друга бинокли. Поднялся невообразимый шум.

Проскакала сотня всадников со значками – изображением волчьей головы. Это был конвой генерала Шкуро. Все закутанные в башлыки, платки, с нахлобученными на головы шапками-кубанками, в бурках, скрывающих фигуры, на похудевших конях.

На поле остались танки и редкие стрелковые цепи, которые также начали отход.

Я разглядела генерала Постовского, который прыгнул в коляску и пустил коней в галоп.

Однако не было видно, чтобы противник одержал победу – еще гремели орудия трех бронепоездов, еще не скрылась пехота.

Прискакал разъезд:

– Кубанцы не хотят воевать!.. Помахали саблями и отступили...

Во второй половине дня раздались глухие взрывы. Бронепоезда уже не стреляли: их подорвали воинские команды. От станции отходили редкие цепи с танками. Неожиданно подул ветер, небо покрылось тучами, пошел густой снег.

Ветер усиливался. Я сидела у окна станционной каморки:

– Ну почему так получилось?

Не верила, что мои надежды на скорое возвращение в Медвежье, на предстоящую свадьбу рушились.

Меня успокаивал брат:

– Оля! Возьми себя в руки!

Новиков смотрел на проходящие колонны и молчал. Мне было жалко его. Он делал все для того, чтобы разбить буденновцев, и не его вина, что кто-то подкачал.

Вбежал Уманец:

– Господин полковник, буденновцы!

– По коням!

Мы поскакали вдоль железнодорожной ветки и оглядывались: не преследуют ли нас. Вскоре нагнали полк. Надо было быть осторожными, отовсюду могли появиться красные конники.

Хлопьями валил снег, который с ветром обернулся метелью. Кто был одет не по зиме, натягивал на себя теплые вещи. Метель закружила вьюгой, вьюга переросла в снежную бурю. Я не могла понять: это мстят нам за поражение или, наоборот, укрывают от противника.

Не видно было ни зги. Мы сбились с дороги. Превратились в беспомощную толпу слепых путников. Голова колонны остановилась: дальше двигаться было нельзя: ничего не видно, кроме сплошной пелены перед глазами.

Веселого предложил идти по компасу. Но стрелки компаса не двигались. Мы находились в районе магнитной аномалии. Хотели положиться на инстинкт лошадей, но лошади сами разбредались в поиске укрытия. Стоять среди снежного хаоса было нельзя, можно было замерзнуть.

Спасение только в движении. Но куда идти?

Снежная буря скрыла нас от буденновцев и грозила погубить.

Но надо же! Неожиданно метель утихла...

Мы двинулись по гладкой снежной пустыне, где торчал редкий кустарник. Гуськом, один за другим. Мы могли только предполагать, куда идем.

Вдруг донеслось:

– Город!

9

Им оказался Старый Оскол. Он чем-то напоминал Воронеж. Такой же старинный, на высоких холмах. По берегу двух речек – Оскола и правого притока Оскольца. С такими же церквушками, мощенными булыжником улицами, особняками дворян и купцов, откуда степь просматривалась на десятки верст. Оскольчане обрадовались белым, как воронежцы приходу Шкуро. В домах нас ожидало тепло и уют. Запасы продовольствия позволяли оборонять город месяцами.

В Старом Осколе нас догнал Мыльцев-Минашкин. Он был очень расстроен. Рассказал, что не добрался до родителей: красные перерезали дорогу Курск – Касторное у Щигров, что попал к дроздовцам и с ними штурмом брал занятые красными Щигры, что увидел на станции два состава с беженцами из Воронежа.

Когда он заговорил о беженцах, я вспомнила переполненные вагоны в Курбатово, озабоченные лица пожилых женщин, молодых дам, детей. В Щиграх они пережили суточный плен большевиков, холод, голод... Мое сердце сжалось, когда я услышала, как оскорбляли стариков, издевались над молодыми женщинами. Я еще никогда не испытывала такого тяжелого чувства.

Не знала, что делать. Хотелось кричать, биться, кусаться. Но оставалось только одно: стиснуть зубы и верить в то, что когда-то, рано или поздно, насильникам воздастся свое.

Но, как и Воронеж, белые покинули Старый Оскол без боя.

Новиков предупредил:

– Предстоят тяжелые переходы, дневные и ночные, с немногими часами отдыха. Всем надо побороть усталость!

Погрузившись на сани, мы тронулись на юг.

Дни тянулись в постоянных стычках с кавалерией красных. За день приходилось выполнять несколько задач: идти на восток и брать хутор, потом назад и захватывать оставленное утром село, снова на восток, потом на север и к концу дня спешить на юг, чтобы не оказаться отрезанными.

Люди еле держались на ногах. Я видела лошадей, которые ложились на землю и их не могли поднять. Обоз прирастал санями с ранеными, больными, снарядами и патронами – до пятидесяти саней. Колонна полка отяжелела настолько, что полк шел сзади, прикрывая собой обоз.

Туманы, снег, холод сказались на конях, из которых немногие были перекованы на шипы. Лошади скользили на льду. От холода соскакивали на снег возницы. Солдаты, пробежав или пройдя небольшое расстояние, хлопали себя по бокам и опять влезали в повозки, пряча ноги в сено. Спрыгивали верховые, чтобы размять замерзшие ноги и, проведя немного коней, опять садились верхом. Я видела Флигерта, который стоял в санях и стучал ногу об ногу от холода.

Казалось, что мы утонули в занесенных снегом степях, погребены в балках, что уже не выберемся из-под ударов нападающей на нас конницы противника. Повсюду бухали орудия, клочкотала далекая и близкая стрельба, звучали команды «К бою!», но как бы удачно ни начинался день, к вечеру мы все равно отступали.

Отход становился все путаннее, все отчаяннее. Из тыла до нас доходили слухи, что там царит неразбериха: штабы бегут, тыловики спекулируют, офицеры пьянствуют. Не прошло и полгода с того времени, как добровольцы победным маршем шли на Москву, а теперь откатывались.

В деревнях нас спрашивали: «Почему вы отходите? Почему не раздадите нам винтовки?» Крестьяне были сыты по горло реквизициями большевиков и готовы были помочь нам. Они вливались в наши ряды, но изменить положение уже не могли.

10

Когда мороз отпустил и начала подниматься температура, пошел дождь. Он продолжался целую ночь. Снег таял, стало тяжело двигаться. Если в голове колонны еще можно было сносно передвигаться, то в середине и в хвосте приходилось идти по густому месиву снега и земли. На санях можно было ехать по нерастаявшему снегу, но лошади выбивались из сил, и мы вынуждены были бросить розвальни и заменить их взятыми в селах подводами.

К нам примыкали воинские части. Запряжки чьей-то батареи с двумя пушками и двумя ящиками со снарядами загромыхали рядом по кочкам. Стало как-то веселее. Но в одном из сел на нас напали буденновцы. Взвод артиллеристов пытался остановить их огнем. Но конница стала обтекать фронт, чтобы атаковать с тыла. Смоленцы стали выходить из села.

Артиллеристы начали отход только тогда, когда красные всадники выскочили к орудиям. Между всадниками и конницей не осталось ни одного пехотинца. Тогда артиллеристы упряжку одного орудия погнали рысью, а другое било по коннице гранатами и шрапнелью. Первое орудие останавливали, снимали с передка, и оно начинало стрелять. Второе рысью выводили из-под удара конницы.

Я вцепилась в борт телеги и с замиранием сердца следила за артиллеристами, и поздно заметила, что наш обоз отсекают.

У меня перехватило дух. Неужели все кончено? И сейчас окажусь в плену?

Увидела, как Новиков стегал нагайкой направо и налево бегущих пехотинцев и кричал:
– Назад!

Но вот остановил, построил в шеренгу.

Солдаты ударили залповым огнем. Артиллеристы сняли с передков оба орудия и тоже ударили по коннице гранатами. Снежно-белые, смешанные с черноземом фонтаны взлетели в небо. Конница сдала назад, и мы были спасены.

Вернувшись в село, я спросила у Новикова:

– Почему смоленцы бежали?

– Они что, не люди? Волк бежит от стаи собак!

– Выходит, у воина тоже есть страх, – впервые подумала об этом.

– Но должно быть и бесстрашие...

Шли дожди. Погода напоминала не то раннюю зиму, не то позднюю осень. Дороги превратились в грязь. Пришлось бросить телеги, с каким бы грузом они ни были. Лишь оставили подводы с ранеными, куда впрягли еще по одной лошади. Больные боялись, что их бросят, но раненных успокаивали. С нами уходили и беженцы. Офицеры увозили свои семьи. Как жалко было видеть терпящих лишения матерей и детей. И как больно было вспоминать своих родных, оставшихся под Воронежем.

При первой возможности мы делали дневки. Скрывались от непогоды на хуторах и в степных селениях. Меня поразил один уездный город. Спустившись по крутому берегу к реке, мы пересекли бревенчатый мост и поднялись на горку. Въехали на совсем пустую площадь. В городском саду вдоль реки тоже не видно было ни души. Дома не подавали признаков жизни. Ни воинских частей, ни повозок, ни людей. Полное безмолвие и какое-то странное ощущение мертвой тишины. Из-за угла вышел старик в форме подпрапорщика старой армии. Постоял, посмотрел на нас, потом на серые тучи. И, не сказав ни слова, ушел.

Его выход подействовал удручающе.

Мы остановились около двухэтажной усадьбы. Вошли в брошенный дом, в котором еще царил полный порядок. Стояли диваны, кресла. Из зала наверх вела лестница. В комнатах было холодно, но чувствовалось, что их покинули недавно.

Так оказались в каком-то «ничейном» пространстве. Сергей принес дров и растопил печь. Уманец нашел в подвале вино.

– Вячеслав Митрофанович, почему мы отходим? – не успокаивалась я.

– Оленька! Как меня волнует этот вопрос. Но ответа я пока не найду. Можно говорить о предательстве казаков, о шкурниках в тылу, о бездарности генералов. Но это все не то. Мне непонятно, почему крестьяне до сих пор не взялись за вилы? Ведь в первую очередь их хотят закабалить большевики.

– За вилы? А в самом деле почему?

– Как говорил знакомый вашей семьи, «власть тьмы».

Мы грелись у печи, пили вино, похожее на кагор, слушали стук дождя по крыше, и мне вспоминалось Медвежье, где, возможно, именно в это время мать и отец говорили об их дочери, о сыне Сергее, о Новикове. Они бы и представить себе не могли, куда занесло их детей, что они уже в Слободской Украине, что успели пережить переплеты в Касторной, попасть в снежную бурю. И ни сын, ни дочь не могут излить им душу и сказать, как прав отец, который мечтает о совершенстве человека, и как далека до этого Россия.

Когда покидали город, вдали его обтекала красная конница. Надо было снова уходить.

Буденновцы шли по пятам.

– Где попы? Дьячки? – вламывались в церкви и за волосы вытаскивали служителей культа.

– Даешь золотопогонников! – врывались к раненым в лазареты.

За один-два рубля у obsługi выясняли, кто из больных офицеры, выволакивали на двор и расстреливали. А следом спешили чекисты наводить большевистские порядки. Всего этого мы надеялись избежать.

Глава 3

1

Новая попытка задержать конницу Буденного не удалась. В бою было проявлено столько героизма. Многие отличились. Смоленцы стояли насмерть. Но снова казаки позволили себе оставить поле боя. Я видела, как несколько казачьих сотен со старым штандартом, трубачами и песнями потянулись мимо смоленцев в тыл, оставляли их одних воевать с красными.

После этого казачьи полки стали самостоятельно покидать линию фронта. Клавдий Златоустов съездил к знакомым кубанцам на смотр и вернулся мрачным. Командир полка построил казаков и держал речь.

– Казаки! Враг напрягает все силы, чтобы вырвать победу из ваших рук! – говорил командир. – Волна красной нечисти хочет затопить освобожденные вами города и села. Смерть, разорение и голод ждут всех. В этот грозный час я призываю каждого из вас решить: будет ли он биться с красными или предпочтет воинскому долгу хату и юбку казачки...

Видимо, полковник не думал рассмешить кубанцев. Но рассмешил.

– Все, кто остается со мной верным долгу, становись за меня! А кто нет, езжай до дому...

Из каждой сотни сворачивало к полковнику по пять – десять всадников. Остальные с песнями ехали прямо.

– Не понимают, что рубят под собой сук, – сокрушался Златоустов.

– У нас испокон веков «моя хата с краю». И только тогда, когда уже припрет, славяне бьют в колокола, – сказал Новиков.

– Но когда же в колокола?

Теперь на казаков рассчитывать не приходилось. Имена их командиров, недавних кумиров – Шкуро, Мамонтова, померкли в моих глазах. Я уже не приходила в восторг, вспоминая речь Шкуро на балконе гостиницы «Бристоль», его танец с кубанской шапкой.

Мелким дождем вперемешку со снегом окончательно удалась глубокая осень, и помела колючая поземка. Степь покрылась снегом и выглядела как-то особенно грустно. Ветер пронызывал до костей. Кони выдохлись и ступали уныло. Они стали мохнатыми, обросли длинной шерстью. Ездовые давно не чистили и не стригли их, разве что Дарьял под Новиковым выглядел более пристойно.

Тянулись ежедневные бои, которые вечером прекращались, и войска откатывались, чтобы снова с утра принять бой и ночью отступить. Новиков с полком метался от села к селу, от переправы к переправе, от станции к станции. Порой от него самого валил пар, как от тройки лошадей. Но несмотря ни на что, белые отходили. Войска словно научились искусству отступать без суеты, будто меняя позицию.

– Удивительные люди мои солдаты и офицеры! – восхищался Новиков. – Немного отдохнули, и наутро словно переродились.

Все печали оставались позади. Звучал громкий говор, ржали кони, полк дружно снимался с места.

В часы привалов Новиков отдыхал только после того, когда были выставлены все посты и он узнавал, что все накормлены. Он не жалел ни своего, ни чьего добра ради смоленцев. Еще до прихода полка высылал в населенные пункты разведчиков раздобыть провиант и приготовить жилье. А ложился спать тогда, когда все легли, лично не раз проверив охранение.

Помню, как остановились в захудалом селе. Смеркалось, накануне прошел странный для декабря дождь, и была гололедица. Я вышла из дома. У колодца Новиков поил Дарьяла – адъютант Уманец свалился после утомительного перехода.

Новиков кутался в шинель.

– Оля! Может, вернетесь домой? Я дам вам надежного провожатого...

Не знаю, что привело его к такой мысли. Может, что накануне несколько смоленцев ушли из полка. Они честно сказали, что воевать устали, и он не стал их удерживать: видел, силы и нервы сдали. Может, посчитал, что мне тяжело и не хотел более подвергать испытаниям.

– Вячеслав Митрофанович! (Я никак не могла заставить себя обращаться к нему только по имени.) Как, как вы могли...

– Извини, я... Мне тяжело видеть, как ты...

– А вы...

Мы ходили вдоль околицы до глубокой ночи, вглядывались в сизую даль и говорили о будущем, когда сбросим путы войны и нам за труды воздастся благодарным отдыхом.

Вернулись и легли спать под утро. Не раздеваясь, а, только сняв верхнюю одежду и сапоги. Этой мерой предосторожности мы не пренебрегали: в любой момент могли нагрянуть конники врага.

2

Добровольцев пытались очернить. Говорили, что в Харькове действовала банда, которая приезжала в богатые квартиры в форме дроздовцев, предъявляла ордер на обыск и грабила. Это были отъявленные бандиты. Дроздовцы себе такое позволить не могли. Они проливали кровь на полях сражений, а вот грабежами занимались проходимцы.

Не раз нам приходилось возвращаться в оставленные города. Однажды только мы вышли из одного малороссийского населенного пункта, раздался грохот.

– Что там?

– Громят магазины, – доложил Златоустов.

– Стой!

Новиков послал роту Златоустова назад. Рота возвратилась, на площади толпа крушила витрины. Рота дала залп по толпе. Толпа разбежалась. Рота снова покинула городок и догнала полк. Что случилось дальше с хозяевами магазинов, оставалось только догадываться.

Добровольцы на мародерство не были способны. Я знала отношение Новикова к тем, кто хотел поживиться чужим добром. Такой бы сразу, невзирая на заслуги, оказался под трибуналом.

Наше положение осложнялось. Полк, охватываемый с трех сторон, часто отступал напрямую по полям. Чтобы не рисковать ранеными и больными, Новиков отослал хозяйственную часть в Купянск – городок в глубоком тылу. С обозом отправил и меня. Я теперь помогала сестрам милосердия. Я сидела в санях на копне душистого сена, ела черный хлеб с солью, следила за утопавшими в снега лугами, рощами и лесами. И во мне возникало какое-то грустное ощущение: все достанется большевикам!

В лесах прятались «зеленые» – те, кто не признавал ни белых, ни красных, большей частью из дезертиров. Они нападали на обозы, разъезды, отдельных всадников.

Нам повезло, мы без приключений добрались до Купянска – городка на уже знакомой мне реке Оскол. Здесь река оказалась шире, что текла в Старом Осколе. Ее русло напоминало реку Воронеж. Чем-то родным повеяло от поймы.

Мы сгрузили больных в лазарет и наконец почувствовали облегчение: люди попали к врачам, а мы на отдых.

В городском саду я увидела два танка, которые свободно ломали деревья. «Вот бы их на фронт!» – подумала я. Но к мощидвигающихся железных ящиков с некоторых пор относилась без особого доверия: уже была свидетелем бегства танков под Касторной.

В тупике станции Купянск стоял вагон со штабом командира Алексеевского полка. Меня представили командиру полка Бузуну: сухощавому, подтянутому капитану со знаком «Первого Кубанского похода» на мундире. Похода, с которого началось добровольческое движение. По виду ему можно было дать лет двадцать семь. Он был чуть моложе Новикова. Узнав, что у капитана молодая жена, я обрадовалась. В качестве подруг командиров полков я оказалась не одинокой. Ванда Иосифовна – стройная, на вид еще юная дама в черкеске и в погонах ефрейтора – тоже носила знак кубанского похода.

Они обласкали меня, и я каталась на их тройке лошадей с настоящим старорежимным кучером. Он как-то по-особенному лихо пускал тройку вскачь, выкрикивал при этом: «Пошел!», «Посторонись!». Мы устремлялись вперед, под полозьями скрипел наст, а на поворотах нас обдавало снежной крошкой.

«Вот так бы с Новиковым!» – мечталось мне.

Но Вячеслав Митрофанович не покидал полк, а капитан Бузун со штабом предпочитал передвигаться отдельно от алексеевцев.

Вскоре обоз Смоленского полка направили дальше на станцию Лиман. По пути в Лиман нам пришлось понервничать, когда нас обстреляли из лесу. Мы изо всех сил хлестали лошадей, и за нами не погнались. А передохнули в спрятавшемся в глухой степи женском монастыре. Предложили монашкам уходить с нами, но они отказались, а при расставании плакали и, благословляя, крестили нас на дорогу.

3

С хозяйственной частью я добралась до Лимана, куда привезли раненого Новикова. Когда на носилках внесли его в дом, он был без сознания. Из-под одеяла выступал черный от йода бок.

У меня внутри все оборвалось.

– Вячеслав Мит...! – кинулась к нему.

От крика он пришел в себя. Кожу на лбу подернуло. Он слабыми руками попытался натянуть одеяло. Дотронулась до лба – лоб горел, провела по щетине на щеках, подбородку. Смочила платок водой и приложила к сухим губам.

Боролась за Новикова с отчаянным упорством. Сутками не отходила от кровати. Накрывала овчинным тулупом, который постоянно сползал. Снимала с себя фуфайку и клала поверх. Как волчок, вертелась вокруг. Если губы шептали «Пи-ить», бежала за фляжкой с водой; если приходили перевязать рану – помогала разматывать бинт вокруг живота и бедра и наложить новую повязку. И долго-долго согревала в своих руках его холодные кисти.

Уманец рассказал, как ранили Новикова. Проходя станицу, смоленцы не заметили, что их обошли красные. Лава неожиданно устремилась на полк. Новиков приказал построиться в две шеренги. Конница с красными знаменами неслась на смоленцев. После первого залпа в гуще конников началось смятение. После второго – кони понеслись во все стороны без всадников.

Но тут сзади раздались крики «Ура!».

Красные ударили в тыл.

Полк разбило. Часть полка отступила к окраине и оттуда в лощину.

Взвод Веселого заметался между плетней. Новиков взлетел на бугор, чтобы осмотреться.

Увидел скачущих буденновцев. Закричал своим:

– Назад!

И тут снаряд разорвался у подошвы бугра.

Кто-то вскрикнул:

– Новикова ранили!

Командир сползал с Дарьяла.

Взвод без приказа собрался в кулак и бросился в контратаку. Красные уже взбегали на бугор, когда смоленцы вынесли раненого и вывели коня.

– Точно выстрелили артиллеристы! – закончил рассказ Уманец. – Небось под командой какого-нибудь офицера. Чтоб его замучили на Лубянке!

Я со стыдом вспомнила свой поступок, когда попросила освободить Лебедева. Проявила доброту. А вот в отношении дорогого мне человека ее не проявили.

Неужели такой же Лебедев послал снаряд?

Новиков стремился вернуться в строй. Превозмогая боль, дни напролет разрабатывал ногу, пытался вставать на колени, потом на четвереньки. Когда первый раз попробовал подняться в полный рост, то повалился на спину и долго лежал. А по ночам ему часто снился один и тот же сон, который он рассказывал мне по утрам: будто с шашкой ходит по сплошь засаженному капустой полю. Охотится за зайцами, которых видимо-невидимо. Но никак не может зарубить ни одного, хотя их тьма-тьмущая шмыгает между ног. Он замахивается на одного, тот исчезает, кидается за другим, тот убегает, за третьим – тот растворяется в кочане, четвертым – он на глазах удесатеряется, и не знаешь, кого из них рубить.

«Образно», – думала я, ассоциируя зайцев с буденновцами.

А потом, чтобы как-то сгладить гнетущее впечатление, смеялась:

– А мне снится сад в Медвежьем. Лошадь ходит, ходит. Высоко задирает морду и срывает с веток яблоки... Жует, жует...

Силы понемногу возвращались к Новикову, и мы с адъютантом повезли его в Ростов. От Лимана железная дорога отходила на Харьков, Купянск и Дон. Харьков и Купянск были уже оставлены белыми. Мы решили ехать на Дон. На носилках внесли Новикова в переполненный беженцами и военными вагон, заставили освободить нижнюю полку, уложили на нее. На верхней ворочался бледный поручик, который непрерывно что-то бубнил.

Долго ждали отправления. Боялись, вдруг поезд не пойдет. Наконец раздался первый звонок, потом второй, третий, и состав тронулся. Все погрузилось в тишину, только слышались песни солдат в других вагонах и бурчание поручика. Я устроилась в ногах у Новикова и смотрела в окно на заснеженные поля. Меня преследовали муки совести, что так опрометчиво поступила с Лебедевым.

Новиков заметил мои переживания и спросил:

– Что вы, Оленька?

Стараясь, чтобы нас никто не услышал, я рассказала ему о своем поступке. Он помолчал, а потом сказал:

– Главное, что вы поняли свою ошибку...

И закрыл глаза.

А меня съедало чувство досады: как я могла? Как?

Поезд двигался медленно. Снежные заносы задерживали движение. Долго проходили железнодорожные станции и разъезды, которые впритык забило составами с войсковыми и частными грузами, беженцами вперемешку с военными.

Вдруг с полки свесился голый по пояс поручик и закричал:

– Стреляйте мне в голову!.. Стреляйте!..

Мне показалось, что он пьян или у него помутилось сознание.

– Не хочу жить!.. Стреляйте!.. Они всех моих перебили!.. Всю жизнь опустошили!.. Стреляйте!..

Новиков открыл глаза:

– Возьмите себя в руки!

С полки напротив вскочил Уманец:

– Слушайте, здесь у всех кого-нибудь... Каждый пострадал...

Он силой вдавил поручика в глубину полки. Я поднялась и протерла ему платком мокрый от пота лоб. Его с трудом успокоили.

Когда поручик притих, то попросил прощение:

– Нервы износились до крайности...

4

Неожиданно раздался треск – как будто лопнул рельс. Поезд остановился. Я схватилась за Новикова.

Он приподнялся, посмотрел в окно и закричал:

– Офицеры! Всем из вагона! Становиться в цепь!

Новиков попытался встать, но рука подломилась. В вагоне загромыхали сапогами. Офицеры попрыгали на насыпь. Послышались выстрелы. Потом крики:

– Разворачивай пушку!

– Пулеметы на крышу!

Кто кричал, не знаю, может, Уманец, может, спрыгнувший с верхней полки поручик.

Но вскоре стрельба прекратилась.

Уманец вернулся:

– «Зеленые»! Услышали про пушки и пулеметы и дали деру!

– Ловко вы их... – похвалил Новиков.

– А треснуло что? – спросила я.

– Дали залп из ружей. Машинист испугался и остановил состав, – проговорил повеселевший поручик, залезая на верхнюю полку.

Паровоз, выплевывая черные клубы дыма, дернул вагоны, те застучали колесами. Перестук учащался. Нас уносило на юг, а «зеленые» остались поджидать другую более доступную добычу. В пути случилось еще много помех: поезд разделялся на части, потом соединялся, отцепляли вагон спереди, прицепляли с конца, меняли тягу, но на пятые сутки мы добрались до Ростова.

Медленно кружась, на перрон падали снежинки и замирали, словно подчеркивая окончание нашего пути. Ростовский вокзал поразил размахом. На путях жались эшелоны. Из зашторенных окон одного первого классного вагона слышалось: «Пей до дна!», «Пей до дна!». Огромные вокзальные залы, длиннющие коридоры, багажное отделение превратились в лазареты, где лежали вповалку люди. На каждом шагу надо было обходить кого-нибудь, прикрытого шинелью, переступать через чьи-то руки, ноги.

«Кому гульба, а кому стоны».

Мы выбрались на привокзальную площадь. Ее забило вереницей подвод и колясок, у которых зябли понурые возницы. Поручик помог донести носилки с Новиковым до коляски и попрощался.

– В госпиталь! – скомандовал вознице Уманец.

– А какой? Здесь их...

– Любой...

В госпитале Новиков начал подниматься. Уже мог сделать несколько шагов. Сказывалось его недюжинное здоровье. Опираясь на палку, выходил на улицу. И прислушивался: не раздается ли артиллерийская стрельба? Его не покидали думы о смоленцах.

А когда ему стало еще лучше, мы спускались от кафедрального собора вниз на набережную и смотрели на уходящие вверх по Дону лодки и корабли. Мимо протекала вода, которая несколько дней назад миновала паром через Дон на дороге из Воронежа в Землянский, обрыв, где Новиков переплыл реку на Дарьяле. В своей бездне вода хранила вести из родного края, тайны о житье-бытье моих близких.

– Как они там? – спрашивала я, бросая в черную глубину камешки.

«Да, держатся», – словно отвечала вода, утягивая в лунки вопросы и унося в сторону Азовского моря.

После испытаний среди бескрайних полей, редких селений, холода, метелей, голода Ростов потрясал своей роскошью. Он кипел беспечной жизнью: освещенностью улиц, сутолокой, шумом. Все кишело неугомонной торговлей, какими-то делами. Столице Северного Кавказа с ее огромными особняками, ресторанами, хохочущими девицами на пролетках, кричащими торговками на каждом углу было глубоко безразлично, что севернее города разворачиваются бои.

Как-то мы выбрались с Новиковым поужинать в гостиницу «Палас». Зал ресторана наполнила шикарная публика. Дамы в вечерних туалетах с сумочками из бархата с серебряными замками, кавалеры в заморских костюмах, офицеры в парадных мундирах. Едва мы присели к столику, как к нам потянулись руки с бокалами: полковника Новикова узнавали и теперь приветствовали командира и его «жену». Меня охватило смешанное чувство. С одной стороны, приятно: оказана такая честь, а с другой – корбило: кто воздаст хвалы боевому офицеру, достойный человек или тыловая крыса, для которой смоленцы не более, чем пушечное мясо. Вынуждена была улыбаться, сдерживаться, чтобы не вылетела какая-нибудь колкость, и ждать, когда удастся покинуть погружавшуюся в пьяную оргию ростовскую знать.

Посетили театр, где в партере встретились с командиром алексеевцев Бузуном – его недавно произвели в полковники – и несравненной Вандой Иосифовной. Бросилось в глаза, что новые позолоченные погоны мало радовали первопоходника. Что-то более важное тяготило новоиспеченного полковника. Но вид пышных дам в нарядных платьях, военных с блестящими эполетами, сопровождавших их, все это хоть на время отвлекало и заставляло забыть напряженную обстановку.

5

То морозило, то шел дождь. Я представляла, как тяжело тем, кто в боевых порядках теперь откатывался к Ростову. В город стекались воинские части. Десятками и поодиночке прибывали одуревшие от усталости люди. Наконец-то они добрались до пристанища и могли отдохнуть. Могли прилечь и спокойно заснуть, может, впервые за много месяцев. Я не удивлялась, увидев на них вместо шинелей тулупы, на ногах вместо сапог валенки. Каждый спасал себя в меру возможностей.

Известия с фронта не радовали. Фронт ежедневно откатывался на двадцать – тридцать верст. Конница Буденного двигалась на юг, разрезая добровольческие и казачьи части.

Новиков нервничал, снова говорил о предательстве казаков, которые опять не хотели воевать и только подозревали добровольцев в том, что те стремятся подставить казаков под удар красных.

Эх!

Вечные неурядицы.

В конце декабря в Ростове появились оставшиеся в живых марковцы, и мы узнали о разгроме дивизии при отходе из Донбасса. Все случилось в лошине села Алексеево-Леоново. В яме, куда завели ее недалекие командиры.

Это был удар для Новикова. Уходили друзья по оружию. Потери усиливали тягостные ощущения. Они валились и на мои девичьи плечи. Но я была молода, а молодости свойственно все представлять в лучшем виде, и это скрашивало нашу переполненную огорчений жизнь.

Проходя мимо кафедрального собора, я мечтала о венчании и спрашивала: «А не напомнить ли Новикову о свадьбе?» Но считала свой вопрос неуместным: сердце и ум Вячеслава Митрофановича переполняли более важные дела. А что с нашей свадьбой – я могла обождать. Смоленцы тоже отходили к Ростову, и мы с нетерпением ждали с ними встречи.

Еще красные были в двухстах верстах от Ростова, как город наводнили целые сотни и отдельные конники, улизнувшие с фронта. Их никто не останавливал, не выяснял, хотя стоило бы с дезертирами разобраться... И вот что-то изменилось. По городу пошли танки, отходившие от Новочеркасска. Проносились на юг бронепоезда. В казенных учреждениях закипела работа. Из лазаретов выносили раненых и больных. Все это наваливалось на телеги, грузилось на автомобили и везлось на переправы и станции железной дороги.

Мы ждали смоленцев до последнего. Когда уже были взорваны мосты через Дон, прискакал брат Сергей, и мы поспешили к однополчанам на переправу. Войска и беженцы обходили Ростов слева. Накануне по Дону прошел ледорез, чтобы не позволить красным с ходу переправиться через реку. И мы волновались, успело ли замерзнуть русло реки, чтобы теперь мы смогли ее перейти.

Где-то рвались снаряды. На станции Гниловской, что при въезде в город, горели составы. Столбы черного дыма поднимались над землей. Высоко в небо взлетали обломки. Алое зарево бросало зловещий отблеск на замерзшую реку.

Лед скрыло снегом. Конники двигались по льду, который ходил под ними ходуном. Лошади тянули брошенные бегущими солдатами пушки. Пехота врассыпную обходила полыньи.

Я словно оглохла: все видела, все слышала, но ничего не чувствовала. Топот копыт по льду, разрывы, команды. Зловещие отблески холодили душу.

Уманец кричал:

– Тпр-ру!

Наша упряжка лошадей увернулась от полыньи и чуть не пошла под воду.

На горе, облитой солнечным светом, который отражался на куполах кафедрального собора медным блеском, оставался покидаемый город. Как горные реки, извивались колонны войск и обозы среди ровного снежного поля.

Со смоленцами реку перешел Алексеевский полк. Полковник Бузун встречал солдат на левом берегу. Он переехал по еще не взорванному железнодорожному мосту в штабном вагоне. Дроздовский полк ступил на лед следом за нами: сначала пехота, потом артиллерия. Танки пришлось у переправы взорвать. Их бы лед явно не выдержал.

Новиков смотрел на горящую станцию Гниловскую.

– Вот тебе и салют на Рождество...

– Сегодня же третий день Рождества!

– Горький праздник...

Вечером потеплело, и пошел дождь. Буденновцы не решились переходить Дон за белыми.

6

Смоленцев разместили в Батайске. В этот город стекались беженцы. Кого из них ссадили на последней станции перед Ростовом – сзади наступали большевики, – и они с мешками успели перейти Дон. Кто бежал из Ростова и теперь направлялся дальше на Екатеринодар. Кто – на побережье Черного моря.

Теплые дома, какой-никакой уют оживили смоленцев. Они взбодрились, обрадовались возвращению командира. По их долгим разговорам можно было судить, как истосковались они друг по другу.

После ранения Новикова полку пришлось отходить по заснеженным степям, отбивать атаки конницы, вступать в стычки с «зелеными». Лазарь Королев рассказал, как чуть не попал в плен. Его с пятеркой солдат выслали вперед, чтобы проверить, нет ли на пути буденновцев. Они заехали в какой-то хутор. Попросили у местных жителей что-нибудь из еды. Их встретили враждебно: оказывается, накануне у них побывали «шкуринцы» – казаки генерала Шкуро – и отобрали лошадей.

– Выходит, казаки еще с нами? – спросила я.

– Да как сказать... Остатки...

Королев продолжал:

– Тут появились «зеленые» и предложили сдать оружие. Силы были неравные. Но пришлось сказать, что оружие не сдадим и если прозвучит хоть один выстрел, сожжем село. Подействовало: «зеленые» разъезд не тронули.

Робости «зеленых» удивилась еще тогда, когда они напали на поезд по пути в Ростов, и теперь кивала головой. Все устраивалось к лучшему. Оставалось только сожалеть, что не осуществились планы добровольцев: собирались справить Новый год в Москве, а отмечали в Батайске.

Две недели красные пытались форсировать Дон, думали, что это им удастся так же легко, как захват Новочеркасска и Ростова. Цепями переходили замерзший Дон. Смоленцы отступали, затягивая пехоту на равнину, и потом контратаковали и гнали врага до самого Дона.

Я радовалась как ребенок!

Боевой дух поднялся. Это уже были не те недавние беглецы, сдавшие Донбасс, Новочеркасск и Ростов, а рвущиеся в бой воины.

Изредка шел снег. Подмораживало. Потом наступала оттепель, и передвигаться становилось невозможно. Ноги проваливались по колено в снег, вязли в подснежной воде и грязи. В такие дни фронт погружался в затишье. Но наши дозоры каждую ночь уходили вперед, где двумя полосами вдоль Дона тянулись камыши. И утром, в обмерзших шинелях, «поседевшие» от инея, возвращались.

Смоленцы, как и дроздовцы со своим командиром полковником Манштейном, которого красные прозвали «одноруким чертом», совершали вылазки на другой берег. Наводили много шума и возвращались. Потом вечерами при свечах под диктовку Новикова писали подметные письма «Ульянову-Ленину» от «запорожцев Деникина»: «Что же ты, Володимир Ульянов, со свиным рылом да в калашный ряд?» Конечно, эти письма, как и мои весточки домой, до адреса не доходили. Почтовая связь обрывалась на линии фронта.

7

Восьмого февраля шаткое затишье прервала канонада. Белые прошли обреченную сухим камышом и сугробами низину, рассеченную ледяными плешинами замерзших озер и маленьких речек. После ураганного артиллерийского огня и штыковой атаки добровольцы ворвались в Ростов. В первой цепи бежали смоленцы. Сбив с ходу противника, мы захватили много трофеев, повозки с патронами и пулеметными лентами, ящики с новыми винтовками, бронепоезда. У добровольцев появилась надежда: снова погнать красных и уже не останавливаться ни в Касторной, ни в Орле, ни за что!

Но судьба была безжалостна, она как бы шутила над нами. Не успели еще расположиться на новых квартирах, как поступил приказ: вместо продолжения наступления оставить Ростов и отойти в Батайск.

Десятого февраля мы без боя оставляли Ростов. Пораженные жители вываливали на улицы, многие бежали за отходящими частями. Никто не воспринимал действия белых всерьез, считали, что это передислокация. И всему происходящему снова сопутствовала обычная ростовская суета.

Красные изменили тактику: атаковывали цепями пехоты и полками конницы, но сразу же откатывались назад. Словно прощупывали нашу оборону. А тем временем на реке Маныче, что правее Батайска, шли затяжные бои, там красные из калмыцкой степи выдавливали белые части.

Неожиданно началось отступление от Ростова, и мы двинулись на Переславку. Новиков, с еще не зажившей ногой, не покидал седла. Ему нужно было организовать колонну, выставить охранение, а при нападении красных успеть построить полк в каре. Дарьял под ним носился в мыле. Он словно чувствовал близкие кубанские степи, где побывал с хозяином еще полтора года назад.

В ту зиму свирепствовал тиф, которым я заболела в Батайске. Новиков искал для меня теплую хату. Станичники при одном моем появлении хитрили, охали и прикидывались, что сами больны. Но Новиков никого не слушал, и меня размещали там, где мне было удобно. Доставал молоко, мясо, меня кормили, лишь бы я скорее выздоровела. Единственное, что смущало меня, это покрытая платком голова: болевших тифом стригли наголо. Теперь я обращалась к Вячеславу Митрофановичу «мой брат милосердия», а он ко мне «моя сестра».

Белые отступали от станицы к станице, двигаясь по таявшему снегу. Жители станиц спокойно наблюдали за отходом войск. Они сильно поднажились награбленным казаками в глубинке России добром и без опасений ждали большевиков. Но в глазах некоторых просматривалось раскаяние за предательство под Капторгой, в Донбассе, где казачьи части уклонялись от боев или вовсе покидали фронт, оставив добровольцев один на один с противником.

В своем дневнике я записала:

«...16 февраля. В станице светает. Рассеивается туман...»

Я куталась в фуфайку у окна. Вдали проступили стены разрушенного вокзала и окружавшие сожженные постройки.

Прискакал Сергей:

– На околице красная кавалерия!

Новиков выскочил из соседней комнаты и приказал выдвинуть конную сотню смоленцев.

Я спрятала тетрадку и поспешила в обоз.

Тем временем конная сотня с ходу атаковала головную лаву противника и отошла перед следующей. Лавы разворачивались и снова устремились на станицу. С колокольни раздалось:

– Лава слева!.. Лава справа!..

Это кричал Косцов.

Все смешалось...

Я на санях хлестала лошадей, бросала вожжи, хватала винтовку и стреляла в конников, которые повернули за обозом. Сердце готово было выпрыгнуть.

«Неужели сейчас схватят? Они не пожалеют подругу командира!»

Било в пот. Сани летели.

«Неужели?»

Но вдруг конники резко ушли в сторону.

«Мне опять повезло!»

В ложине у железнодорожной насыпи ко мне подскочил Новиков.

Не успела я обхватить его за шею, как надо мной раздался хриплый голос Шнейдера.
– Взвод Веселого смяли!

Новиков расцепил мои руки и показал на вокзал:

– Будь там!

А сам выхватил револьвер и поскакал на выручку.

Меня уже не трясло, как прежде. Я залезла на крышу багажного отделения, наводила винтовку на движущиеся цели в буденовках и стреляла. Упал один. Согнулся другой.

Где-то запыхтел паровоз. К станции подлетел пассажирский поезд. Смоленцы группами и поодиночке стекались к составу. Быстро разместились в вагонах, подняли раненых (привезли Веселого, у которого прострелили плечо), и поезд тронулся. На вагоны вытащили пулеметы, и они поливали лавы красных. Конная сотня смоленцев потянулась за поездом под прикрытием пулеметного огня.

Я следила за всадником на коне с прозвездиной на лбу во главе сотни и осторожно целовала цевье еще горячей винтовки. Я и подумать не могла, что окажусь такой меткой.

На разъезде нагнали санитарный поезд, который направлялся в Кисловодск. Туда перенесли раненых и Веселого.

– Мы еще порубаем красных! – на прощание помахал здоровой рукой Всеволод Веселого. – Мы еще...

Новиков смотрел вслед товарищу, и его глаза светились надеждой.

8

На станции Переславке простояли двое суток. Эти двое суток позволили мне окончательно поправиться. В то время на поездах вывозили офицеров из Ейска – города на побережье Азовского моря. Ходили слухи о готовившейся там расправе над ними. Когда офицеров вывезли, смоленцы покинули станцию и двинулись вдоль железнодорожного пути на юг.

Гуляла распутица. Дороги превратились в засасывающую трясику. Видела, как в грязи увяз обоз с орудиями. Солдаты хлестали лошадей. Но те не могли вылезти из топи. Лопались постромки. Ржание лошадей и крики людей смешались с далеким буханьем орудий. Впереди в единый поток стекались калмыцкие кибитки.

Я думала: как мы выберемся отсюда?

У железнодорожного полотна валялись сброшенные с прошедших поездов трупы людей, от вида которых становилось совсем не по себе. По телам сновали галки. Казалось, все брошено на произвол судьбы, человеческая жизнь потеряла всякую цену, ей были уготованы такие испытания и такой безвестный конец. Каждый распластанный знал ласку матери, желал счастья и любви, а попал в степи, и глазастые галки клевали его тело. Мне вспомнились вытявшие перья замерзших зимой птиц, которые когда-то увидела под окнами гимназии, и по телу побежал мороз.

– Лучше не смотри... – Новиков прикрыл ладонью мои глаза, вытащил револьвер и выстрелил по пернатым.

Галки всполошенно взлетели, но, покружив, опустились на прежнее место.

Иногда к полку примыкали заблудшие офицеры, но сразу куда-то пропадали. По их речи, замашкам, внешнему виду можно было сделать вывод, что это не боевые командиры, которые влились в Добровольческую армию, чтобы воевать, а заядлые картежники, запойные пьяницы, неисправимые бабники. С ними смоленцам было не по пути. Около Новикова оставался лишь костяк полка, с которым он прошел от Воронежа.

Мне не стало смешно, когда с мостка свалился в яму зять землянского главы Флигер. Его еле вытащили. Бедняга! От него не раз слышала: «Не верю в победу», «Бороться дальше бессмысленно», на что Новиков отвечал:

- Где же вы видели, господин Флигер, чтобы победа давалась легко?
- Но нас гонят и гонят...
- Что гонят, согласен. А вот что мы проиграли, это еще по воде вилами писано!

Шли сплошными полями, пропадавшими в стелющемся тумане. По дорогам и без дорог. Шли медленно, вздрагивая от холода и таща ноги в разбухших, налитых водою ботинках и сапогах. Я удивлялась: только перенесла тиф, а меня не брали ни холод, ни сырость. В редкие стоянки мы забивались на дневку или ночевку в хаты станичников, сушили портянки, обувь, отогревались, чтобы потом снова двинуться в путь.

Врач говорил, что у меня плохо с сердцем. Но что-то во мне не соглашалось с выводами врача. Силы придавало стремление из обузы превратиться в помощницу. Откуда-то появлялись резервы, которые брали верх над всем остальным, и я оказывала помощь раненым. А когда становились на бивуак, чертила карты Новикову, писала донесения в штаб армии.

Еще 22 ноября белые оставили Старый Оскол, 16 декабря – Купянск, 10 января – Ростов, теперь 17 февраля – Сальск, 29 февраля – Ставрополь. В эту зиму всю огромное пространство от Касторной до Кубани заносило снегом, который бушевал метелью, растапливало солнечным теплом, превратив в раскисшую жижу, пронизывало ржанием лошадей, пулеметной трескацией, разрывами снарядов, лязгом бронепоездов, криками умирающих. И невольно возникал вопрос: почему природа именно белым преподносит один подарок непогоды за другим, почему только их преследует ненастье, только им сопутствуют неудачи?

Гладкий горизонт ровно полоснул по небу. С разных сторон текли таборы беженцев. Бездомный, бесприютный люд огромными толпами пешком, верхом и на повозках, с детьми, со спасенным скарбом, вперемешку с войсками, стихийно катился по равнине. Калмыки гнали бесчисленные стада овец, превратив дорогу в матрац, который прогибался от повозок и оружий, но выдерживал их.

Я увидела необычную картину – спящую батарею. Лошади стоят и спят, ездовые на них спят, как заколдованные. Все как бы застыло, не желая пробудиться. Возникшее ощущение нереальности окружающего мира, того, что не понять и не объять душой, превратилось в мимолетную сказку. Спрашивалось: все, что вокруг, это наяву? Или это все мерещится, весь этот испепеляющий бег от Касторной. И захотелось в Медвежье, в сад, под яблоню, в сладкий сон. Но все сны заканчиваются явью. И этот полусон оборвал назревший вопрос:

«А не поспешил ли генерал Деникин, отдавая директиву войскам идти на Москву? Не был ли сам поход авантюрой?»

И, несмотря на повальное бегство, отвечалось: «Не поспешил... Не был... Не приди в Воронеж белые, неизвестно чем закончился бы для меня, моих земляков девятнадцатый год... Не поспешил...»

9

Показались очертания Кавказских гор. Движение облегчилось, наступившее дневное тепло позволило снять тулупы, фуфайки, шинели, легче шли ноги. Весеннее солнце осушало дороги, свободнее вращались колеса пушек и подвод. Когда мы переходили мутные реки, из плавней на север устремлялись косяки гусей. Я заглядывалась им вслед и загадывала желания: отнесите, пернатые, весть в Медвежье отцу и матери... В Ерофеевку сестре мамы и ее супругу... В Воронеж подружкам, которые остались в живых... В Москву – злему дяде по имени Ленин...

У станицы Славянской мы вышли на шоссе – кончилась власть грязи – и двинулись, как по паркету. Справа от шоссе за железнодорожной насыпью разгорался бой, лопались шрапнели. Но на это никто не обратил внимания, нам надоело, не задумываясь, кидаться из огня да в полымя.

Новиков ехал на Дарьяле, иногда шел пешком. Во время его ранения осколок угодил коню в мякоть зада. С тех пор Дарьял слегка хромал, но временами выправлялся и шел ровно.

Меня поразил один офицер в форме капитана. Он обогнал нас за Славянской.

– Командир роты... – сказал Новиков.

Капитан шел быстрым шагом, несколько горбясь. Кто-то из смоленцев спросил капитана:

– А где рота?

– Рота, за мной! – почему-то скомандовал капитан, махнул рукой и заспешил дальше.

Стало понятно, что от его роты не осталось никого.

Полки таяли до батальонов, батальоны – до рот. О многих говорили: «убит», «зарублен», «ранен», «оставлен в лазарете», «застрелился». Но чаще приходилось слышать: «неизвестно где...», «в последний раз видели...»

Конница красных не оставляла нас в покое и налетала волнами. Тогда Новиков выстраивал полк, и мы отбивались. Шли перекатами, уступами. Одна рота отстреливается, другая отходит, останавливается, а отбившаяся рота уходит в голову колонны. Там, где красные разъезды преграждали дорогу, их обходили, а в безвыходном положении лобовой атакой пробивались вперед.

В этой обстановке наезжали проверяющие из штаба корпуса. Приехал маленький полковник в пенсне и белых лайковых перчатках. И заставил устроить смотр. Новиков нехотя подчинился. Роты в своем малом составе проходили мимо холма, где стоял полковник.

– Здорово, смоленцы!

– Здравия желаю, господин полковник!

Но в этот момент раздался визг, заглушивший голос смоленцев. Визг продолжался. Штабной полковник стоял, не зная, что сказать. Новиков вдруг зажал рот рукой: в повозке обоза трепыхался мешок, в котором бился поросенок.

Умора!

– Позор на всю дивизию! Позор на весь корпус! – замахал перчаткой полковник.

– Да пошел... – не выдержал Новиков.

И приказал первой роте сворачивать на дорожный тракт. Следом повернула другая рота. Где-то звучала канонада. Поросенок визжал, потешая забывших о субординации смоленцев. Полковник стягивал и натягивал перчатки, а потом незаметно исчез, как когда-то с поля боя под Касторной генерал Постовский. Больше в полк проверяющих не присылали.

Командование армии предпринимало лихорадочные попытки остановить отход войск: перебрасывало резервные части. Подходили вновь скомплектованные полки и батальоны. Но все это было организовано настолько беспорядочно, что они либо уничтожались в походных колоннах, либо, приняв первый бой, разбегались, либо зависали у переправ, а, рискнув совершить попытку переправиться через кубанскую реку, тонули в бешеном потоке. Не получалось даже у самых ловких, которые бросались в бурные воды и плыли, держась за хвосты коней.

Лавину отката остановить уже было невозможно.

10

Ближе к горам грунт подсох, сделался каменист, и двигаться стало еще проще. Грязь больше не держала ноги, колеса повозок и орудий. По сторонам дороги тянулись обозы, между которыми гнались табуны лошадей и стада скота. С кучами чемоданов на повозках ехали беженцы. В станице Крымской чувствовался восток: кипарисы, серп луны между ними и звуки

зурны. Но в этом восточном уголке нам не получилось задержаться: не позволяла обстановка. 9 марта белые сдали станцию Тихорецкую, 17 марта – Екатеринодар. Поэтому Крымскую смоленцы покинули сразу.

Постепенно дорога начала подниматься. Еще невысокие, поросшие лесом с густым кустарником горы, тянулись в направлении высоких голубых вершин, видневшихся на горизонте. Путь пролегал по узкому ущелью: справа и слева темнели заросшие лесами склоны. Свернуть в сторону было некуда. В довершение налетал дождь. Но после снежных бурь, сплошных ливней, бесконечного льда, непролазной грязи дождь казался сущей мелочью.

Новиков, смахивая стекающий с козырька фуражки ручеек, подбадривал:

– Держитесь...

Воинские части мешались с обозами беженцев, телеги с коровами, даже верблюдами. Калмыки продолжали гнать скот.

В некоторых местах нужно было подниматься в крутую гору. Поднимались по очереди: повозка за повозкой, телега за телегой. Припрягали еще лошадей. И так двигались от перевала к перевалу.

Подъем в горы пехоте давался легко. Тяжело было батареям. Ездовых заставляли выжимать из лошадей остатки сил, чтобы спасти орудия. Но на крутых подъемах кони сдавали. Пушки бросали, спуская их под гору, и они с грохотом летели в пропасть.

Мы двигались без привала, полуголодные, без корма лошадей. Но нас влек Новороссийск.

В Верхне-Баканской остановились. Приказано было организовать оборону. С вечера заметили колонну красных, спускавшуюся с гор. Расположились вдоль изгородей и завалов и ждали появления противника. Местность была ровная, как стол, с обрывами по краям, так что скрыться было некуда. Красных подпустили на двести шагов и встретили убийственным огнем. Потом погнали и с ходу опрокинули шедший им на подмогу батальон.

Верхне-Баканскую переполнили обозы с ранеными. Санитарки, люди, обмотанные бинтами, просили нас забрать их с собой или пристрелить. Все боялись приближения красных. Мои уговоры взять обоз с ранеными на Новикова не подействовали.

Он сухо отрезал:

– Надо выводить полк.

Услышав это, я поняла, что еще не решена судьба смоленцев и не время заниматься спасением других. При одной мысли: ведь перережь красные эту последнюю дорогу – сколько бы осталось в плену, мне становилось страшно, и я отводила от беспомощных людей глаза.

С рассветом мы вышли к дороге на Новороссийский перевал, за которым уже было море. В преддверии Новороссийска на станции Тоннельной попали под обстрел «зеленых». По нам повела огонь батарея. Облачка розового дыма быстро таяли в воздухе, не причиняя вреда. Но разорвавшийся справа снаряд испугал лошадь, она рванула в бок, и я чуть не вылетела из повозки. Ранило извозчика – отчетливо услышала удар осколка в спину, за которым последовал выкрик: «Я ранен!» Перebinтовав возницу и уложив к раненым, сама взялась за вожжи. На спусках от разрывов многие телеги переворачивались. Спуск оказался настолько крут, что орудия вместе с упряжками кувырком летели вниз. Но мы с обозом благополучно миновали Тоннельную.

11

Перед нами предстала величавая картина: горы без всякой растительности, все тусклого цвета, охватили громадную бухту со сползающими к морю вереницами домов. Корабли, как игрушечные лодки, маячили по синей глади, уходящей за горизонт.

У меня захватило дух. Я впервые увидела море! Мое тайное желание посмотреть мир исполнялось!

Мы пытались организовать оборону Новороссийска. Еще боеспособные части расположились по хребтам гор. Смоленцы заняли перевал в долину к Анапе, где уже появлялись разезды красных. Я лежала среди камней на пронизывающем ветру и высматривала всадников, которые быстро выскакивали из лесной хмари и стремительно скрывались. С некоторых пор считала для себя долгом не только уметь перевязать раненого, но и первым же выстрелом снять с коня противника. У меня это получалось с переменным успехом, но день ото дня я набивала руку и все реже промахивалась.

Внизу проходили полк за полком и скрывались в окраинах Новороссийска. Двигались повозки с беженцами и ранеными.

Я волновалась: «Все уходят. А мы? Если что, неужели нас забудут? Пожертвуют нами ради спасения других?»

Но успокаивала вера в Новикова: он этого не допустит. Он найдет выход из любой ситуации. Так я считала и беспредельно доверялась Вячеславу Митрофановичу.

Вечером в городе запылали ангары: подожгли переполненные интендантские и артиллерийские склады. Яркие смерчи отрывались от земли. Пламя быстро разрасталось: вскоре столб огня в версту шириной поднимался прямо к небу, а на уровне вершины гор дым ломался и уходил в море.

Я всматривалась в переполненные беженцами корабли, которые стояли в бухте. За время стоянки они бы могли сделать несколько рейсов в Керчь, в Феодосию, выгрузить там беженцев и вернуться, но они почему-то стояли недвижимо, перегруженные народом.

Самое большое судно – английский дредноут «Император Индии» – стреляло из бухты в направлении Тоннельной за восемнадцать верст. Выходило, что красные были уже на подходе к Новороссийску.

Наконец пришел приказ оставить позиции и спешно идти на погрузку.

Новиков запрыгнул в седло и скомандовал:

– В порт!

Новороссийск напоминал разворошенный улей. Город, переполненный свыше всякой меры, стал буквально непроезжим. Весь железнодорожный путь был заставлен вагонами. Некоторые из них вздыбились, как огромные животные в стаде. Бронепоезда, пущенные под откос, взорванные, изуродованные столкновением, являли жуткую картину. Все видимое пространство было забито обозами, артиллерией и массой кавалерии, уходящей по берегу моря к Сочи.

Мы проезжали мимо лазаретов. Раненые на костылях умоляли нас взять их с собой.

– Братцы! Не дайте погибнуть!

Кто-то торопливо рвал зубами бинт, сдирал рубаху, бордовую от запекшейся крови.

Смоленцы проходили мимо с опущенными головами. Мучила совесть, но у них самих не было уверенности, что удастся сесть на пароход.

Пройти на набережную из-за толпы было невозможно. Пришлось двигаться вдоль догорающих ангаров, откуда мародеры тащили обмундирование, ящики, чемоданы. В другой бы раз смоленцы остановились бы и навели бы порядок, но теперь было не до грабителей.

Наконец выбрались к пристани, где к причалу прижались пароходы. Когда я увидела заполненные палубы кораблей, у меня сжалось сердце: куда нам деться?

Новиков приказал:

– Расседлать и разнуздать лошадей. Мы их оставляем.

– Как? – раздалось у возниц и всадников.

Я видела, как снимали уздечки и седла и отпускали лошадей. Они примыкали к другим, которые забредали в море, отфыркивались и сердито били по воде передними ногами. На камнях валялись трупы коней, которых хозяева не захотели оставить противнику живыми.

Новиков вертелся на Дарьяле, кого-то ища.

Продскакал Сергей и показал на пароход «Николай»:

– Нам велено грузиться...

Новиков повернул к пароходу, у трапа которого стоял юнкер с винтовкой. Подняв коня на дыбы, осадил Дарьяла.

– Капитан! – закричал бородачу на капитанском мостике. – Сажай смоленцев!

– Я больше не могу взять! – ответил в рупор бородач.

– Как не можешь?!

Бородач всполошенно махал руками.

– Возьмешь! – Новиков выхватил наган.

Презрительно глядел на заполнившую палубы публику в штатском, среди которой только изредка виднелась военная форма.

– Судно перевернется! – кричал капитан.

– Не пожалею последних патронов! Мы с позиций пришли! И разговаривать долго не буду!

На пароходе все стихло.

Новиков скомандовал:

– Заряжай!

Смоленцы вскинули винтовки. Щелкнули затворы.

Юнкер спрятался за трап.

– Даю минуту на размышление! Дальше возьму пароход штурмом!

На капитанском мостике возникла суматоха. Кто-то кинулся вниз, кто-то в кубрик.

– Ладно, – прохрипел капитан.

Смоленцы двинулись к сходням. Сначала понесли носилки с ранеными.

Новиков соскочил с коня. Обнял Дарьяла за шею, прижался к гриве, вложил в его ухо наган и... спрятал пистолет в кобуру. Не смог выстрелить. Поцеловал в прозвездину и, пряча глаза, шагнул к кораблю, уже дымившему едким дымом.

Смоленцы уплотнили забивших палубу пассажиров. Противно было слушать возмущения напудренных дам, их обрюзгших спутников. Где резким словом, где локтем, а где и угрозой оружия, смоленцы освободили место под носилки и разместились сами. На пароходе встретили алексеевцев. Полковник Бунин со своей супругой Вандой Иосифовной и тут удачно устроился и занимал отдельную каюту, в которую пригласил нас с Новиковым. Я не верила, что спасена, приткнулась к перегородке каюты и хотела рыдать. Грудь так и вздрагивала. Отчего? От всего плохого и хорошего...

12

На дредноуте «Император Индии» началось оживление, как будто там проснулись. Грозные орудийные башни пришли в движение, направляя куда-то жерла пушек. Сотрясая воздух, раздались выстрелы из двенадцатидюймовых орудий. На верхнем мостике появилась фигурка, делавшая ритмичные движения флажками. Это был приказ пароходу «Николай» и другим кораблям сниматься.

Но тут, расталкивая всех, по лестнице «Николая» на капитанский мостик взлетела группа возбужденных офицеров в малиновых фуражках. Это были дроздовцы. Один из них – однорукый офицер – махал никелированным револьвером. Я узнала в нем командира 3-го Дроздов-

ского полка полковника Манштейна. Оказывается, наш переполненный пароход должен был принять и дроздовцев, которые прикрывали посадку и только что прибыли на пристань.

Капитан беспомощно разводил руками. Пытаясь что-то объяснить, показывал то на морское дно, то на английский дредноут. Дроздовцам не удалось убедить капитана, и они, громко возмущаясь, спустились на мол, где нестройной колонной вытянулся их потрепанный полк.

Новиков стоял на палубе и еле сдерживался, чтобы не отдать приказ смоленцам выбросить штатскую, тыловую публику за борт и грузить дроздовцев, сажать которых было на самом деле некуда.

Я не знала, кого больше жалеть: оставшихся в Верхне-Баканской сестер милосердия; застрявших в Тоннельной беженцев; брошенных в новороссийских лазаретах раненых; забытых на молу дроздовцев; наводнивших пристань лошадей... Кого?.. И мне стало вдруг все глубоко безразлично... Что-то зло заговорило во мне: «А ты разве можешь что-нибудь изменить? Поправить? А чего тогда себя изводить? Бесполезно мучить! Ведь сойдешь с ума». И я поняла, как очерствела за полгода войны, выдохлась.

Бородатый капитан поднял рупор:

– Отходим!

Матросы начали поднимать трап и рубить канаты.

«Николай» медленно отчаливал от пристани. Протяжно трубя, отдалялся от каменистого берега уже ничейной земли, разметая вокруг себя огромные водоросли. На середине бухты к пароходу прицепили баржу, набитую людьми. Мы по сравнению с пассажирами баржи оказались в завидных условиях. В таком перегруженном состоянии нам предстояло покинуть Новороссийск.

На выходе из бухты встретили миноносец «Пылкий», который, разбрасывая волны, шел полным ходом обратно к пристани. На его борту увидели командира добровольческого корпуса генерала Кутепова. Узнав, что 3-ий Дроздовский полк остался на молу, он шел ему на выручку.

– Настоящий командир! – одобрительно произнес Новиков.

Мы уходили. А за нами зловещим туманом спускались с гор большевики.

Это было 27 марта 1920 года.

Глава 4

1

Дул норд-ост. На рейде вытянулись корабли. Пароходы «Николай», «Бештау», «Корнилов»... Пароход «Корнилов» сутки назад привез из Румынии груз: винтовки, снаряды и пулеметы. Теперь они были не нужны. Оружие бросили. Спекулянты пытались забить пароход мешками с табаком, но его приступом вырвали из рук перекупщиков корниловцы, и погрузились сами.

Пароход «Николай» натужно гудел, клубы черного дыма вылетали и расплывались в море. Мутно-зеленые воды ударились о борт. За ним тянулась баржа, переполненная людьми.

Трос звенел и потрескивал, как перетянутая струна. Скрылся из видимости мол. Горы медленно удалялись. Вдруг раздался удар. От натяжения трос лопнул и концом ударил по корпусу корабля. Пароход почувствовал легкость. Баржа осталась качаться на волнах. Страшные крики раздались оттуда. Но капитан парохода не сбавил ход, уводя корабль в море.

– Там ведь люди! – вырвалось из меня.

– Вижу, – ответил Новиков.

Ванда Иосифовна принялась успокаивать:

– Ольга, вы такая впечатлительная... На войне нельзя так...

Дико выл ветер. Затихал и потом снова дул с такой силой, что невозможно было находиться на палубе, и все сгрудилось в проходах, каютах, кубриках, на лестницах, в трюме. Пароход шел в открытом море, его начало качать, забрызгал дождь, и густая мгла окутала судно. «Николай» давал протяжные гудки, чтобы не столкнуться с другим судном.

Приближалась последняя пядь земли, где нас ждали. Каждый думал об этом клочке суши и подводил итог пройденному. Кто думал о причинах неудачного похода на Москву; кто о том, выполнил ли он или не выполнил свой долг перед Отечеством; кто о своем и родных спасении от лап чекистов; кто о возможном возвращении из Крыма домой; кто об исполнении других желаний... И у всех вставал один вопрос: куда делась та лавина смельчаков, которая в октябре, увеличиваясь, как снежный ком, катила на Москву? Обо что она разбилась?

В ответ напрашивались мысли. Может, помешало предательство казаков, которые не любили ни белых, ни красных и хотели жить по-своему? Падение боевого духа, с которым добровольцы шли на Харьков? Трусость генералов, разваливавших армию? Слабость белой идеи, которой хотели объединить правых и левых, монархистов, эсеров, кадетов, октябристов, кого угодно, лишь бы свалить большевиков...

На вышедших из новороссийской бухты кораблях люди направлялись в Севастополь, где спускались на Графскую пристань; в Феодосийский залив и выгружались на молу; сворачивали в Керченский пролив и высаживались у причала – все они вливались в крымскую жизнь.

Пароход «Николай», огибая Таманский полуостров, вошел в тихие керченские воды: словно и не было норд-оста, дождя и огромных волн. Еле покачивало, офицеры и солдаты, забавляясь, стреляли в дельфинов. После новороссийских кошмаров наконец все вздохнули свободно.

Керчь встретила нас ласковым солнцем, завидной тишиной улиц и домашним уютом. Как мы хотели хоть здесь обрести душевный покой!

Высадив пассажиров, пароход «Николай» ушел в Туапсе вывозить кадетов. Новиков на баркасе несколько раз плавал в окрестности Новороссийска в Широкую Балку, где снимал с

гор оставшихся пулеметчиков. Собирался проникнуть в город и поискать Дарьяла, но Новороссийск наводнили красноармейцы и всюду ловили, расстреливали и вешали белых.

Брошенную в море баржу подцепил буксир и отбуксировал в Феодосию.

А вернувшийся в уже оставленный город миноносец «Пылкий» дроздовцев забрать не смог. Размещать людей было негде. И полк во главе с Манштейном ушел вдоль моря, где под Кабардинкой его подобрал и вывез в Крым французский крейсер.

Успели эвакуироваться добровольческий корпус и некоторые части Донской армии. Но многим не повезло. Остатки донских частей пытались из Новороссийска пробиться в Туапсе, но красные перерезали пути отхода, и Донская армия была пленена. Остатки Кубанской армии 2 мая 1920 года сдались в районе Сочи.

2

В Керчи мы обустроились в имении Олив, занимавшем уютные дома на краю обрыва, под которым далеко внизу стелился кустарник и струился ручей. Наконец-то можно было упасть на койку и впервые за последние полгода провалиться в глубокий сон и не думать, что налетят красные и придется натягивать сапоги, хватать винтовку, санитарную сумку, отстреливаться, стремительно отходить. Стужа, дождь, стрельба, распутица, голод, холод, раненые, убитые – все как бы отошло в сторону. И я уснула, как достигший выстрадавшего приюта путник, раздевшись донага, а не только сбросив разваливавшуюся от походов обувь.

От света в глаза не могла понять: где я? В каком мире? Под лучами мощного фонаря? Окно обливал ранний восход. Слух ласкал птичий хор. И ни одной привычной мысли о том, что где-то противник. Красные остались на другом берегу Таманского залива, и их отделял от белых морской пролив.

Соловьиные звуки не отпускали – это заливались щеглы. И казалось, отец трепал дочку-Оленьку по кучерявым волосикам. Оленька смеялась, хохотала. Мама протягивала кружку с хлебным квасом. Оленька, обливаясь, пила...

– Сестрица, вставай! – В мареве очертилась фигура.

Сладко потянулась:

– Ну почему?

– Не могу добудиться вторые сутки... – звучал голос брата Сергея, водившего по моей челке.

– А разве это плохо?

– Вячеслав Митрофанович послал справиться, не больна ли ты?

– Он уже вернулся из Новороссийска? – что-то припомнила.

– Вывез последних из Широкой Балки.

– Скажи ему, что Ольга Алмазова, Ольга Алмазова, – хотела сказать, что расхворалась, но произнесла: – Скоро будет.

Все тело ныло. Может, от долгого лежания, а, может, после физических перегрузок заключительных недель. Я встала, сонно улыбнулась в распахнутое окно. Кому бы вы думали? Новикову, который стоял с белокурой девушкой моих лет. Я быстро умылась и выскочила из дома.

– Оленька, я должен вам представить мою племянницу Наталью Леонидовну, дочь моего брата.

«Леонида, которого расстреляли большевики». Как-то медленно оглядела девушку, хотела выразить соболезнование, но посчитала, что это только больше опечалит ее, и произнесла:

– А вы знаете, куда вы попали?

– В Керчь...

– И неправда! В Панти-ка... – обращаясь к гимназическим знаниям, пыталась вспомнить старинное название города.

– ...пей! – закончил слово Новиков.

– Пантикапей! Пантикапей! – задорно хлопала Наташа. – Столицу Боспорского царства!

– Царства рыбаков, купцов и ремесленников!

Мне не хватало подруги, и мы быстро сдружились с Наташей. Ванда Иосифовна на эту роль не годилась, она была уж слишком высокомерной, несколько скупой на проявление чувств, настоящим ефрейтором и к тому же постоянно находилась с командиром полка алексеевцев.

Вячеслав Митрофанович отвез нас к горе Митридат, где сохранились развалины античного города. Мы быстро взобрались на скалистую вершину.

– *Quelle beaute!*¹ – воскликнула Наташа.

– Вы тоже изучаете французский? – изумилась я.

Наши платья закружились вокруг колонн, где тысячи лет назад шумели голоса торговцев-греков, а теперь – только дувший с пролива ветер. Мы залезли на каменные подпоры, когда-то державшие на своих плечах земляные террасы, взбежали на курганы, хранившие в себе тайны каменных гробниц, и говорили о том, что волнует каждое девичье сердце: о любви, о счастье, о будущем.

¹ *Quelle beaute!* – в переводе с французского: «Какая красота!»

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.